

Артем Каменистый

АЛЬФА-НОЛЬ

Артем Каменистый
Альфа-ноль (Альфа-1)

«Автор»

2026

Каменистый А.

Альфа-ноль (Альфа-1) / А. Каменистый — «Автор», 2026

Я - недоразумение. Такие, рождаются мертвыми, или, в лучшем случае, умирают в младенчестве. Никто из детей пустоты никогда не дотягивал до года. Я же дотянул до тринадцати. И за каждую минуту моей жизни клану приходилось платить немалые деньги. А их здесь, на краю цивилизованных земель, ох как непросто зарабатывать. Возможно, я бы смог жить так и дальше. Калекой, сильным мыслью, но не телом. Но однажды ночью в усадьбу заявили незваные гости, и всё изменилось. Вот тогда мне и пришлось научиться выживать по настоящему.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	51
Глава 11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Артем Каменистый **Альфа-ноль (Альфа-1)**

Альфа-ноль

Глава 1

Тепло материнских рук

Ступени просветления: пустота...

Атрибуты: нет

Навыки: нет

Состояния: нет

Тшими – труп. Тшими ходит, дышит и разговаривает, но при этом его уже нет. Тшими из той разновидности мертвецов, которые даже не догадываются, что всё кончено. Скажи я ему сейчас, что его вычеркнули из списка живых, и бедолага подумает, что или он ослышался, или я спятил. Покойник уверен, что всё идёт, как всегда. Всего-то и надо, – потратить полчаса на скучную церемонию приветствия госпожи и наследника, после которой можно отправиться домой. Там его ждут весёлая толстуха Надира и двое детей, ради которых он готов пойти на что угодно.

Даже на кражу у клана.

Дети – источник радости и тревог. Но про этот мир можно сказать точно, что тревог от них куда больше, чем в месте, где я родился и прожил первую жизнь. Здесь добавляется кое-что особенное, давящее на всех родителей без исключения: и простолюдинов, и аристократов.

Я хронический затворник и потому нечасто сталкиваюсь с вассальными шудрами, но Тшими – одно из исключений. В иерархии слуг клана он занимает привилегированное положение, потому что контролирует львиную долю оборота одного из важнейших наших ресурсов. Того самого продукта, без которого аристократ еду едой не считает. Его роль настолько важна, что он отчитывается лично перед госпожой, и это случается нередко. А так как я почти всегда нахожусь при ней, у меня была возможность неплохо изучить этого крестьянина.

В сравнении с прочими, он неплох. Возможно – лучший. На нём многое держится, и Тшими достойно справляется со своей ношей. Он один из краеугольных камней в фундаменте карликового царства моей чокнутой мамы.

И сегодня наш и без того хлипкий фундамент потеряет часть прочности.

Потому что Тшими – труп.

То, что жить ему осталось недолго, я узнал почти три месяца назад. У человека в моём положении не так много возможностей хоть как-то развлечься, вот и приходится цепляться за каждую. И когда мать в очередной раз садилась рядом и начинала проверять учётные книги, мне приходилось вникать в записи. Нет, игнорировать слова и цифры, конечно, несложно, благо понимания от меня не требовалось. Но ведь чем в таком случае занимать пылливый мозг? Бездумно таращиться на стену?

Нет уж. С меня этого достаточно. Последние полторы недели только этим и занимался, моля высшие силы помочь Камаю вернуться быстрее.

Я знал, что, вернувшись на этот раз, он убьёт Тшими. Но Тшими так или иначе не жилец, а мне очень не нравится проводить день за днём на положении безвольного овоща.

Камай приносит то, что делает из меня овоща способного кое-как передвигаться. Вам доводилось видеть, как ходит баклажан? Я тоже не видел, пока превратности новой жизни не превратили меня в убожество.

Место, в котором устроилась моя мамаша, называется словом, которому в моём родном языке можно подобрать несколько синонимов. Я предпочитаю думать о нём, как об усадьбе, потому как на рыцарский замок наше хозяйство совершенно не тянет, хотя формально явля-

ется последним оплотом одного из самых древних кланов Арсы. Даже императорская семья проигрывает по некоторым пунктам знатности.

Однако знатность не подразумевает могущество. Увы, но хорошие времена остались в прошлом. Как, собственно, и сам клан. Осталось полтора обломка: я и Трейя Айтвир – глава Кроу, и биологическая мать никчемного тела, в котором поселился мой разум.

Да уж, мне пришлось самостоятельно обучиться актёрскому мастерству, чтобы без душевного содрогания называть её матерью. Даже кое-что сломал в своей психике. Иначе никак, я ведь должен вести себя с ней так, чтобы она ничего не заподозрила.

То есть, как сын, а не человек, им притворяющийся.

Усадьба – это господский дом в один этаж, без излишеств. Позади него скрываются несколько хозяйственных построек, в которых ютятся прислуга. Чуть дальше, в крохотной церемониальной роще стоит скромное ритуальное сооружение, которому в моём мире я аналогов не припомню. Называется "дсай", и слово это можно перевести как "много боли и отваги". Это своеобразный гибрид казармы и храма, где положено молиться высшей силе, ответственной за воинскую доблесть. Или говоря проще – за убийства. И не просто молиться, а развивать её в себе.

Вот в этом круглом и низком сарае между жизненно важными для меня поездками обитает Камай. Считается, что он проводит там все ночи. Но даже слепому Десу известно, что это случается только в те нечастые периоды, когда он не греет постели вдов шудр. Это одновременно его привилегия и долг.

Если женщина потеряла мужа, это не отменяет её обязанность рожать новых шудр для Кроу. Но банальный разврат в здешнем обществе не одобряется. Как и всё прочее, он завязан на сложную систему традиций и правил, вписать в которую можно только Камая. Никого другого на роль "быка-производителя" у Кроу не осталось.

Сегодня подданные клана не просто так подтянулась к усадьбе. У нас торжественный день. День очередного поднятия на ноги выроodka Трейи. То есть – меня.

Традиция такая.

Я непроизвольно перебирал в ладони амулет, привезённый Тшими. Именно благодаря этой вещице на ближайшие пять с половиной недель я не полный овощ.

Как же приятно снова ощущать руки и ноги.

И даже двигать ими.

Я сижу на плетёном кресле по правую руку от Трейи. По такому случаю, прислуга вытаскала на открытую террасу её деревянный трон. Пожалуй – самая роскошная вещь в усадьбе.

Холодно уставившись поверх голов людей, пришедших выказать почтение клану Кроу и его главе, мать слово за словом выносила приговор.

– Тшими взял то, что принадлежит Кроу. Тшими сделал это не один раз и не два. Тшими сделал это четыре раза. Это прекрасно видно по книге учёта специй.

Эх Тшими-Тшими, как же тебя угораздило оставить столько улик. Я-то тебя не обвиняю, потому что понимаю, зачем ты сглупил. Всему виной – дети. Тебе хотелось, чтобы из них выросли настоящие люди, а здесь это стоит денег. Аборигены – не звери, их младенцы не способны развивать параметры ПОРЯДКА самостоятельно, заполняя свои духовные центры и окружая их наборами атрибутов. Если ты не аристократ со связями и состоянием, тебе придётся изрядно постараться, чтобы годам к десяти-двенадцати твои отпрыски добрались до полноценной третьей, или даже четвёртой ступени. Ну а дальше станет чуточку попроще.

Вот Тшими и старался. Законных доходов не хватало, но не совсем глупый человек, занимающийся специями, найдёт возможность и хозяйку не обделит, и себя не забыть. Скорее всего, начинал он со стадий выращивания и сбора, где учёт был завязан строго на нём. И пока делал это аккуратно, никто ни о чём не догадывался. Но затем начал наглеть. А всё потому, что в наших краях нарисовались эти прохиндеи, называющие себя кланом торговцев. Эдакая

белая кость от барыг. Их представители многим затуманили головы, обещая помощь в открытии любого атрибута. Хоть все пять тебе нарисуют, главное – плати.

Тшими очень любил своих детей. Он начал тянуть с поля столько, что это начало сказываться на цифрах учёта.

Вот потому Тшими труп.

– Укравший у клана, становится врагом клана, – продолжала вещать мамаша. – Это объявление войны. Клан Кроу принимает вызов. Камай, как идзумо главы клана, будет сражаться с Тшими до смерти. Тшими может выбрать себе любое оружие из дсай моего дома. Гуюм, Доктори и Магума, помогите Тшими сделать выбор.

Огласив приговор, Трейя повернулась ко мне, ласково погладила по голове и спросила:

– Мой мальчик проголодался?

При мысли о еде я едва сдержал рвотный позыв, но не подал виду. Отрицательно помотав головой, сказал:

– Я устал. Можно мне полежать?

– Сынок, потерпи немного. Сейчас будет интересно. Сейчас Камай накажет плохого человека.

– Тшими не плохой, – осмелился я возразить.

Случается это редко и главным образом по причине абсолютной бесполезности моих возражений. Трейя относится ко мне, мягко говоря, ненормально. Для неё я единственный и любимый сын, вызывающий тоску и жалость разбитый источник всех надежд, но одновременно всего лишь предмет мебели, к словам которого можно не прислушиваться.

– Тшими очень плохой, – терпеливо повторила мать. – Тшими взял то, что принадлежит клану. Он обокрал тебя, моё сокровище. И Тшими будет наказан.

Да уж. Мало того, что меня адски мутит, как это всегда случается после возвращения амулета, так теперь ещё придётся смотреть на резню. В мире, где нет телевизора и всемирной паутины, это считается прекрасным зрелищем. А вот я, по первой своей жизни, такое если и наблюдал, то исключительно на экране. И надо сказать, что мне этого вполне хватало, никогда не тянуло столкнуться с насильственной смертью в реальности.

Хорошо бы закрыть глаза и не видеть то, что сейчас случится. Но нельзя, Трейя не позволит. Она замечает абсолютно всё и умеет заставлять делать то, что мне не нравится.

Да и очень тяжело не смотреть. Странный выверт психики. Отвратительное зрелище, но взгляд невозможно отвести.

Последний раз здесь убивали в конце зимы. Парочку разбойников Камай притащил лично. Обычные батраки арендаторов с юго-запада. Бедолаги и летом живут впроголодь, а уж в холодное время всё становится совсем плохо. Иногда им окончательно срывает крышу, вот и творят разное.

Каплями крови мне тогда забрызгало обе ноги.

Чёрт! Вот зачем я это вспомнил?!

Сейчас точно стошнит...

Тшими выбрал копьё. Весьма разумно. Всегда удивлялся тем простакам, который хватались за мечи. Это ведь оружие аристократии, простолюдины с ним если и умеют обращаться, то это уже не простолюдины, а кто-то вроде Камая. Но выбиться в такие бойцы очень трудно. Всё равно, что победить в игре без сохранения на уровне "бог" голым персонажем, которому чертовски трудно набирать единички опыта, а самый слабый противник способен прикончить в один-два удара.

Простолюдины должны рождаться, пахать землю и умирать. Сражаться с оружием в руках – это не для них.

Но случается всякое. Края, в которых обосновались жалкие остатки клана Кроу, беспокойные. Ну а что делать, если мы изгнанники, которым нигде не рады. Вот и пришлось обстраиваться на краю нормальных земель.

Раз это край нормальных территорий, следовательно, дальше должны начинаться ненормальные. Так и есть. И столь опасное соседство нам, разумеется, не в радость. Оттуда всякое приходит, в основном – нехорошее. Плюс скудость здешних земель порождает в населении преступные наклонности. Потому даже самый мирный крестьянин держит под рукой стёганую куртку, укреплённую костяными бляшками, шлем из многослойной кожи и копьё.

Так что, Тшими с выбором не прогадал. Копьём он пользоваться умеет. Тут даже подростки простолюдинов иной раз вытворяют с этим оружием трюки на уровне самых зрелищных гонконгских боевиков, а уж взрослые способны на такое, что зритель, увидев это в фильме, начнёт плевать с криками "не верю!"

Но Тшими эти трюки не помогут.

Потому что Тшими труп.

Камай вышел с пустыми руками. Как обычно, ни слова не сказав. Фигура, затянутая во всё чёрное и вечно закрытый тонкогубый рот. Однажды на моих глазах он забил здесь кулаками одновременно четверых. Не издавая ни звука, выворачивал им конечности, проламывал черепа, нечеловечески крепкими пальцами рвал мясо на лицах и, ухватившись за ключицы, дергал их с таким омерзительным хрустом, что я непроизвольно вздрагивал.

Он за весь бой ни разу не приоткрыл рот.

Иногда я задаю себе вопрос: "Дышит ли это чудовище вообще?"

Даже не знаю, что ответить...

Тшими – не такой уж глупец. Он прекрасно понимает, что жизнь окончена. Они всегда это понимают. Опытный воин двадцать восьмого круга просветления с бета-рангом, это, для нашей нищей и никому неинтересной глуши, всё равно, что армия в пятнадцать тысяч императорских гвардейцев. И то и другое звучит неправдоподобно, но одинаково отображает суть.

Что против армии ничего не светит, что против Камая.

Сам поединок продолжался считанные секунды. Тшими без энтузиазма крутанул копьё, врезав наконечником по земле с таким расчётом, чтобы вывороченные комья прилетели противнику в лицо. Камай с лёгкостью избежал столь топорной атаки, резко при этом сократив дистанцию.

Захват, рывок, омерзительный треск, и вот уже специалист по специям валится на вытоптанную землю двора. Голова его неестественно вывернута, а в глазах нет жизни.

Тшими – труп.

Мне показалось, или нет? Такое впечатление, что Тшими и Камай перед тем, как всё случилось, о чём-то безмолвно поговорили. Чересчур долго стояли друг напротив друга.

Да нет, вряд ли. Тшими – обычный крестьянин, а не воин. Секреты этого сословия для него закрыты.

Но всё может быть. Я в этом ненормальном мире давно уже ничему не удивляюсь.

– Тшими честно сражался и заслужил посмертный покой, – кивнула моя мамаша, поднимаясь.

Прекрасно. Значит, тело отдадут семье, а не отвезут на другой берег Красноводки, где его быстро растащат хищники Лихолесья. Хоть какое-то утешение вдове. Пусть похороны на время отвлекут её от горестных мыслей. А их организация – хороший способ направить мозги на решение последующих практических задач.

Ей ведь теперь в одиночку двоих поднимать. Найти здесь нового мужа – почти нереальная задача.

У нас тут край вдов. Конкуренция у слабого пола высочайшая, а жена у Тшими не сказать, что первая красавица, да и по крестьянским меркам уже немолода.

Поднявшись, Трея посмотрела на меня с улыбкой и протянула руку:

– Пойдём в дом, мой мальчик. На улице свежо, а у тебя слишком мало сил.

Это она верно подметила. У меня всего мало.

Я ноль, который после разрядки амулета способен лишь дышать.

Да и то еле-еле.

Неимоверным усилием воли я ухватился за руку матери, тоже поднимаясь.

Нет, сложность не в том, чтобы встать самому. То есть, это, конечно, для меня непросто, но в сравнении с самым худшим – пустяк.

Самое худшее – держать мать за руку.

За ту самую руку, которой она вырвала моё сердце.

Глава 2

Семейно-финансовый кризис

Ступени просветления: пустота...

Атрибуты: нет

Навыки: нет

Состояния: нет

– Тшими наш лучший мастер урожая. Его нечем заменить. Он единственный мастер урожая, достигший девятого ранга в навыке низовых специй.

– Это всего лишь омега, – презрительно заявила мать. – Забудь о Тшими. Тшими – никто. Сказано безапелляционно, однако Камай на этом умолкать не стал.

– Но других у нас нет. И взять их негде. Значит, специй больше не будет.

Камай во всех ситуациях предпочитает помалкивать. Он воин, рождённый в сословии воинов, у них болтать не принято. А уж в моём присутствии столько слов иногда за неделю не высказывал. Я, ковыряясь в тарелке, так удивился этому прорыву красноречия, что едва не выронил двузубую вилку. Чертовски неудобная, узкая до такой степени, что ещё пара миллиметров, и можно будет назвать палочкой для еды. Развивает моторику пальцев, как и прочее разнообразие традиционных столовых предметов.

Но с моими непослушными пальцами не моторика, а горе получается.

Жаль, что до матери это не доходит.

Как и многое другое...

Похоже, даже замечание о специях Треюю не задело. Она увлеченно усталилась в здешнюю разновидность газеты. Свиток из дрянной рисовой бумаги закрепляют в простейшее устройство, включающее в себя пару деревянных валиков, отстоящих друг от друга на пару ладоней. Медленно вращая нижний, разматывают рулон, закреплённый на верхнем. Таким образом можно постепенно прочитать весь текст, не прикасаясь лишним раз руками к хрупкому материалу.

Камай всегда привозит одно и то же. Ежемесячный вестник с важными имперскими новостями и самыми значимыми событиями из светской жизни. Желание матери засветиться в этих записях столь же очевидно, как мечта лисицы поймать кролика. И выглядит это смешно, ибо скорее я попаду в элитную гвардию, чем о ней напишут хотя бы пару строк.

Не дождавшись реакции на свои слова, Камай добавил:

– Если не будет специй, чем мы станем платить за поддержание амулета вашего сына?

А вот это очень серьёзно. Такое мать мимо ушей пропустить не может.

И она не пропустила:

– У нас в амбаре достаточно ржи. Продадим часть запасов. И найдём нового мастера урожая. У нас будут специи.

Камай покачал головой:

– Моя госпожа, это семенная рожь. Если её продать, мы не сможем посеять новый урожай.

– Я же сказала, что надо найти замену Тшими. Тшими воровал для своих никчемных детей. Новый мастер урожая устрасится это делать, помня о каре, которая постигла его предшественника. У нас появится больше специй, мы сможем купить на них столько семян, сколько потребуется. Пусть это тебя не заботит.

– Но меня заботит именно это. Я обязан заботиться о благополучии клана Кроу, – Камай начал повышать градус пафоса вслед за матерью. – Нам негде взять мастера урожая уровня

Тшими. Лишь он один сумел вырастить хорошие специи на местных бедных почвах. Ему нет замены. Специй больше не будет. Нам придётся рассчитывать лишь на рожь. А рожь ценится недорого и её у нас тоже мало. У нас всего мало, поэтому крестьяне голодают каждый год. Слишком плохая земля. Тшими воровал не для себя. Дети крестьян болели. Болели от голода. У него одного была возможность дать им еду. И он не выдержал. Он кормил и своих, и чужих. Кормил детей.

Я аж заслушался. Да Камай за год столько не говорил. А уж столь длинный монолог – вообще немислимая фантастика.

Мать, наконец, оторвалась от чтения. Уставилась на воина нехорошо и чуть ли не по-змеиному прошипела:

– Ты сказал, что он кормил чужих детей?

– Да, моя госпожа.

– И почему я узнаю об этом только сейчас?

– Моя госпожа, я сам узнал всего лишь час назад. Я хорошо знаком с Тшими и не мог поверить, что он поступил настолько глупо. Так не бывает, чтобы никто ничего не замечал. Поэтому я предположил, что он делился с другими, чтобы они не болтали. Догадался надавить на тех, которые слабы на языки. Оказывается, у ваших батраков был тайный сход. На нём они решали, как жить дальше. Их дети голодали и у них не было никаких специй, а это вредит развитию их атрибутов. Дети – это будущее даже для самых последних батраков. Сход принял решение менять на еду те специи, которые получится утаить. Поэтому Тшими никто не сдал. Если бы не его ошибки при отчётности, он бы мог и дальше воровать.

– Это заговор, – тем же нехорошим голосом констатировала Трейя. – Виновники должны быть наказаны. Немедленно наказаны.

– А вот это уже вторая наша беда, после потерянных специй, – сказал Камай. – Моя госпожа, за кражу у клана полагается смерть. Но как быть, если все ваши шудры замешаны? Они все разделили ответственность, все причастны. Нам что, казнить каждого главу семьи? Но тогда мы даже жменю ржи не получим. Женщины и дети не смогут сами обрабатывать все поля и отбиваться от хищников, которые приходят из-за реки. Мы и так живём на грани разорения. Смерть Тшими, это шаг за эту грань, но казнь всех мужчин, это уже не шаг, это прыжок. Мы потеряем последнее, что у нас есть.

Мать может и витает в облаках большую часть времени, но иногда на неё находят периоды просветления. Жаль, что они кратковременные.

Вот и сейчас не стала требовать поднимать среди ночи всё население единственной подвластной ей деревеньки и, закусывая губу, нервно уточнила:

– Ты уверен, что в этом замешаны все мужчины?

Камай кивнул:

– Абсолютно. Я жестоко допросил двоих. Я спрашивал под клятвой крови. Оба они сказали одни слова. Замешаны все, включая управляющего поместьем и обоих ваших стражников. И я тоже заслужил наказание, потому что не узнал это раньше.

– Мы не можем им такое спустить, – задумчиво протянула Трейя. – Кража у клана, это кража у клана. Наказание за это полагается всего одно, исключений быть не может.

– Весь клан Кроу, это вы и ваш сын, – сказал Камай. – Больше никого не осталось, вы последние. Жизнь вашего сына держится на амулете, который приходится постоянно заряжать у мастера артефакторики. Я не представляю, как это делать без специй. Но, может быть, мы как-нибудь выкрутимся. Однако я представить себе не могу, чтобы мы выкрутились из этого без урожая. Да, рожь стоит дешево, но это деньги. Единственные наши деньги. Это слишком плохое место, шудры здесь сами едва концы с концами сводят, а ведь им ещё приходится содержать клан. Моя госпожа, вспомните, как было до этого. Мы всегда жили на пределе наших возможностей, и каждый новый год для нас проходил тяжелее предыдущего. Крестьян становится

всё меньше и меньше, а урожаи не растут. Моя госпожа, приказав убить мужчин, вы поставите клан под такой удар, от которого он уже не оправится. Помните про жизнь вашего сына. У нас едва хватит средств на ещё одну зарядку амулета. Может две, если у вас остались личные средства. И на этом всё. Что мы станем делать дальше, я не знаю. Простите, моя госпожа, я могу умереть за вас и ваш клан, но не смогу заменить всех ваших шудр.

Трейя молча поднялась, проследовала на господскую половину, погремела там крышками обоих своих сундуков, после чего вернулась и поставила на стол три предмета: шёлковый мешочек, нефритовую шкатулку и предмет, похожий на маленькую вазу из мутного красноватого стекла, запаянную сверху. Если смотреть на него краем глаза, может показаться, что внутри, за почти непрозрачными стенками, тлеют раскалённые угли. И ещё я знал, что какая бы температура не стояла в доме, прикоснувшись, всегда ощутишь теплоту.

Странностям, коих хватает в моей новой жизни, я стараюсь подбирать земные названия. Это меня развлекает. Но в некоторых случаях делаю исключения. Уж больно глубоко в душу западают новые слова.

А в некоторых не могу ничего придумать.

Этот предмет называется абунай, и хоть убейте меня второй раз, но я понятия не имею, как подобрать аналогичный термин из земных реалий. Тут всё настолько непросто, что и в длинное предложение не уложишься.

Да что там предложение – оно и десяти процентов не раскроет. Понадобится целый рассказ, затрагивающий множество аспектов жизни здешнего общества в целом, и каждого отдельного его представителя в частности.

С обществом, если не вдаваться в странные детали, всё просто. Махровый феодализм, где аристократия разделена на кланы, каждый из которых пытается подгрести под себя максимум ресурсов и власти. Есть император – далеко не декоративная фигура, со своими особенностями, о которых можно рассказывать долго, к тому же далеко не все мне известны.

Абунай – это святыня клана Кроу. Если верить всем бредням моей мамы, этой корявой вазе столько лет, сколько Вселенная не существует. И все эти годы каждый выдающийся представитель этой потомственной феодальной банды единожды в жизни совершал ритуал, название которому я из земных аналогов тоже подобрать не могу.

Итай – своего рода харакири, только не физическое и не настолько радикальное. Это всё равно что достать ритуальный самурайский кинжал, взрезать брюхо на пару сантиметров и на этом остановиться. Ну а вылившуюся кровь отдать на станцию переливания.

Чего добру пропадать.

В данном случае станцией переливания является абунай, а жертвуют не кровь, а энергию "ци". Разумеется, в здешнем языке такого слова нет, это я сумел подобрать аналог. Не уверен в том, что он оптимальный, но лучше не нашлось.

Здесь ци – не миф в глазах неверующего большинства, здесь это такая же реальность, как для нас электричество. Явление детально изучено и поставлено служить на всеобщее благо. Или даже люди здесь не при чём, а всё разъяснили те самые высшие силы, на которые здесь принято ссылаться по любому поводу.

И существование которых даже я, в недалёком прошлом закоренелый скептик, отрицать не могу.

Да здесь даже последний забулдыга в меру своих сил пытается идти по пути просветления. Это, разумеется, тоже моя терминология. Местные высказываются иными словами, но по смыслу приблизительно так.

Иного варианта попросту нет. Здесь это всё равно, что спортивные тренировки и образование в одном флаконе. И в какой-то мере практический опыт, потому что позволяет получать многие профессии без преподавателей и длительной практики. Да, с учителем, конечно,

лучше. Иногда на порядки лучше. Но для низового понимания достаточно и самостоятельных действий. Всего-то и требуется, – иметь соответствующую степень просветления.

И ещё кое-что, о чём в лаконичном рассказе поведать никак не успеть.

Шкатулка – это та самая тема, с которой быстро не познакомишь. Не сама шкатулка, конечно, а её содержимое. Там хранятся предметы, без которых здешнее самосовершенствование – это машина без колёс и двигателя.

Да и корпуса – тоже.

Самое простое из принесённых Трейей – это шёлковый мешочек. В нём хранится казна клана. Выглядит жалко и это так и есть, потому как там всего-то несколько мелких серебряных монеток и жменя бронзовых. Увы, но Кроу давно обнищали. И лишь преданность потомственных шудр позволяет нам кое-как барахтаться.

Камай все эти расклады знал получше меня, потому не стал радостно кричать: "Мы богаты! Мы спасены! Закатим пир на всё Пограничье с бродячими музыкантами и продажными женщинами!"

Вместо этого воин бесстрастно произнёс:

– Этого слишком мало. Денег в казне недостаточно даже на одну зарядку амулета. Специи и символы требуются вам... и вашему сыну. И их тоже слишком мало. Моя госпожа, ваш клан ждут тяжёлые времена.

– Как будто сейчас они лёгкие... – закусывая губу, отстранёно ответила мать.

Заметно, что она глубоко призадумалась над простым вопросом: как вытащить нас из тесного и дурно пахнущего места, в которое она же нас и загнала. Трейя, увы, никогда не была сильна в финансах и в её лексиконе не нашлось места для слова "компромисс". Деньги у неё не задерживались, а решения, загоняющие нас всё глубже и глубже в смрадную узость безысходности, она принимала молниеносно и никогда о них не жалела.

Или делала вид, что не жалеет.

Итак, денег нет и нет перспектив их достать. А без денег наше относительно сносное существование надолго не затянется.

И особенно это касается меня...

Рефлекторно потрогал амулет, прошупывающийся под рубахой. Висит на месте, и это греет мою душу. Ну а то, что он работает, понятно и без ощупывания.

Иначе я бы не удержался в сидячем положении.

Трейя, как обычно, предложила не самый эффективный план поправить наши материальные дела.

– Можно собрать отряд и отправить в Лихолесье. Если всё пройдёт хорошо, даже непродолжительный поход принесёт прибыль. К тому же поход можно подать, как мою милость. То есть – замена казни. Как тебе такая идея?

О высшие силы этого грёбаного мира! Ну вот как в одной симпатичной голове умещаются быстрый ум, изошрённое коварство и полнейшая непрактичность, если не сказать хуже?! Это вы так пошутить решили?! Ну так знайте, ваша шутка совсем не смешная.

Наверное, Камаю стоило великих трудов попытаться ответить невозмутимо, но надо отдать ему должное, он справился:

– Моя госпожа, ваши подданные ещё не оправались от прошлогоднего похода. Тогда они потеряли четверых, причём двое из них были лучшими нашими охотниками. Если, конечно, обычных шудр вообще можно называть охотниками. Простите, моя госпожа, но ваши подданные слишком слабы для таких походов. Они не более чем куча еды, которую хищники севера способны учуять издали. Нас не пустят в безопасные и богатые зоны Лихолесья, там всё давно поделено купеческими факториями. Этот поход принесёт лишь потери, а не прибыли. И мужчины, отправившись на другой берег, не смогут принять участие в посевных работах. Значит,

в этом году урожай окажется ещё меньше. А их семьи и так голодают. Моя госпожа, я боюсь, что ваши подданные начнут разбегаться.

– Это невозможно, – надменно бросила мать. – Они потомственные шудры. Их семьи служат Кроу уже не одно поколение. И каждое поколение приносит вассальную клятву на крови. Как ты мог забыть, что она связывает их крепче самых лучших верёвок?

– Простите, моя госпожа, но нет, я не могу такое забыть. Их клятва... она не абсолютна. Ваши люди могут пойти против неё, при некоторых обстоятельствах. Их дети голодают и не развиваются, а это очень серьёзная причина прекратить служение клану Кроу. Если ничего не изменится, они начнут разбегаться в ближайшие месяцы. Если же устроить поход, или наказать их иными способами, они разбегутся быстрее. Простите ещё раз, но мы не можем удержать старых подданных и набрать новых. У нас вот-вот...

Камай осёкся на середине фразы, чего с ним никогда не случалось. Он ведь не говорит, он гвозди в гроб заколачивает. Тук-тук, тук-тук.

Ну и где здесь паузы устраивать?

Трейя глянула было на воина с удивлением, но тут же её взор дернулся в сторону, и она хищно уставилась на лёгкие двери. Даже я на них покосился, дабы проверить, не отрастила ли их створка клыки и когти.

Нет, двери с виду остались такими же миролюбивыми. А вот взгляды матери и Камая не изменились. Они явно видели то, чего не вижу я.

И это что-то – явно нехорошее.

Мать, не сводя взгляда с дверей, отрешённо произнесла:

– Камай, у нас гости, которых мы не ждали. Надо одеться. Сама я с этим быстро не справлюсь.

– Да, моя госпожа. Мы их не ждали. Сейчас я вам помогу.

Что? Этот мужлан поможет матери одеваться? Немыслимо. Она что, прислугу вызвать не может?

И что ещё за гости на ночь глядя?..

Глава 3

Незванные гости

Ступени просветления: пустота...

Атрибуты: нет

Навыки: нет

Состояния: нет

Вечер и без того выдался необычным, но чем дальше, тем становился интереснее.

Под процессом одевания мать, оказывается, подразумевала не облачение в одно из своих относительно не ветхих платьев. Там и правда без служанки никак, ибо самостоятельно затягивать похожий на жёсткий корсет верх – это надо иметь резиновые суставы в руках.

Нет, о платьях речи не шло. Трейя впервые на моей памяти облачилась в доспехи. Даже когда банда разбойников напала на мельницу, которая располагалась в паре сотен шагов от усадьбы, она не стала прибегать к столь серьёзным мерам.

Доспех, кстати, интересный. Я в них не разбираюсь, поэтому не могу сыпать терминами. Скажу лишь, что выполнен он из чёрного материала, напоминающего толстенную кожу. Может так и есть, но это явно не корову ободрали, и не козу. Тут пострадало такое создание, о которых на Земле даже совершенно ненормальные зоозащитники, готовые спасти мифических йети и скрывающихся в болотах Африки последних динозавров, знать не знают.

Защитная амуниция радовала глаз чёткостью рельефа и идеальной компоновкой деталей. Больше похоже на костюм киношного супергероя, чем на средневековый доспех. Да и шлем интересный. Почти мотоциклетный с виду, а ведь до автотранспорта здешнему прогрессу ещё шагать и шагать.

У Камая похожий, но выглядит грубее, проще и тяжелее. Скорее всего, дешевле, но зато он кажется именно защищающим, а не для красоты напыленным. Ему одевать его не пришлось, потому как всё время в нём ходит. И с мечом не расстаётся.

Мать на этом чудить не прекратила. Сняла с шеи ключ, болтающийся на шнурке, раскрыла длинный и узкий шкаф – самую роскошную деталь обстановки усадьбы после трона. И вытащила вещь, которую я увидел впервые.

Копьё? Или как это называть?

В голове всплыло почти забытое слово из прошлой жизни – "нагината". Японская алебарда так называлась. Здесь что-то наподобие – не слишком длинное древко, заканчивающееся саблевидным наконечником. Может земной аналог и отличался множеством деталей, но я не настолько хорошо разбираюсь в средневековом оружии, чтобы проанализировать сходство. В любом случае назначение этой штуковины очевидное: рубить, колоть и резать.

Значит, для меня она будет нагинатой.

Приблизившись к столу, мать сложила в простенькую холщовую сумку всё, что выложила на него при разговоре с Камаем: абунай, нефритовую шкатулку и шёлковый мешочек.

После этого поступила неожиданно. Помогла мне встать, повесила сумку на моё плечо и сказала:

– Камай, вынеси на террасу кресло для моего сына. Мы должны встречать гостей так, как подобает достойным хозяевам.

Да что же там за гости такие, что их полагается встречать лично мне? Я ведь из дома и днём почти не показываюсь, а уж в ночной тьме ни единого случая не припомню.

Ну и японская алебарда в руке матери заставляет думать, что с этими гостями всё очень просто.

Порядочных людей с оружием не встречают.

* * *

Я и на Земле не сказать, что был чересчур болтливым, а уж сейчас, когда пара слов выматывает меня так, будто на девятый этаж без лифта взбежал, и подавно разговорчивостью ни отличаюсь. Плюс здесь у меня имидж такой. Приходится строить из себя неполноценного не только физически, а и умственно. А при такой маскировке чем меньше рот открываешь, тем лучше.

Ну а в данный момент даже не знал, что тут вообще можно сказать. То, что нахожусь в состоянии крайнего смятения духа и без слов понятно. Потому ни слова не произнёс за всё время.

В кресло, которое Камай поставил на дощатый пол террасы со своим неизменно-невозмутимым видом, я не сел, а завалился. Мои и без того ватные ноги полностью отнялись, когда я осознал, что за длинные предметы белеют в ночном мраке.

Вон тётушка Гимо. Её легко узнать по фигуре, которую одни сочтут полностью отсутствующей, а другие тактично назовут чересчур роскошной. Вот Тейко – застенчивая девочка четырнадцати лет, сирота, взятая под опеку Бушей, нашей добродушной кухаркой. Вот сама Буша лежит, а вот её родная дочь – Тамика. И прочие-прочие.

Вся наша челядь была мертва. Судя по их виду, смерть настигла бедолаг в постелях и в большинстве случаев была бескровной. Лишь у некоторых из носа и ртов немного натекло, слегка запачкав ночные сорочки.

Мир, в котором я влачу жалкое существование, богат на странности. Говорят, здесь случаются варианты, когда мертвецы передвигаются самостоятельно, да ещё и проявляют при этом каннибальские наклонности. Однако сейчас – не тот случай. Кто-то притащил всех этих покойников к террасе, аккуратно разложив перед ней в один ряд. При этом даже постарался расположить по росту: слева дети, а крайний справа – ночной сторож Думонуро, явно не справившийся со своими обязанностями.

Смерть – всегда неприятно. А когда кого-то убивают рядом с тобой, это ещё и страшно.

Но когда гибнут одиннадцать человек, ни издав при этом ни крика, это не просто страшно, это здорового человека может перепугать до отнявшихся ног.

А уж меня – подавно.

Камай и мать что-то при этом слышали, но это явно относится к их особым способностям. Возможно, это даже были не звуки, а сами эманации смерти, которые люди, подобные им, способны засекают издали.

Я здесь давно уже ничему не удивляюсь...

Убийцы расположились параллельной шеренгой и, в отличие от наших слуг, были живы. При всех странностях происходящего я не мог принять мысль, что эти двенадцать фигур, затянутые в чёрное от пяток до макушек, умерли стоя и почему-то не падают. Узкие прорезы масок едва просматривались во мраке и то ли ужасающая реальность такова, то ли воображение разыгралось, но мне казалось, что там временами поблёскивают рубиновые огоньки нечеловеческих глаз.

То, что именно они являются убийцами, я, конечно, заключил без следственных действий и судебного приговора. Но других кандидатов во дворе не наблюдались, да и, положив руку на сердце, никого лучше этой дюжины во всём нашем крае не найти.

И это не разбойники, которые объявляются в наших краях время от времени. Хороший воин не станет промышлять преступными делишками в нищих землях. На это решается лишь сущее отрепье, а такие цыплёнку шею свернуть не смогут, не перебудив при этом всю округу.

А наши люди спали безмятежным сном. Или в момент смерти пребывали в таком состоянии, что принимали её беззвучно.

Значит, эти чёрные фигуры опасны. И то, что Камай не напал на них сразу – лишнее тому подтверждение. Здесь, на террасе, удобнее отбиваться от толпы. Да я бы на его месте даже из дома не стал выходить, ведь там держать оборону ещё легче.

Пока я об этом думал, Камай начал глупить, как будто это не он, а сторож Думонуро, пребывающий в состоянии крайней степени радости, являющейся следствием неумеренной дегустации ржаной браги. Заодно с моей матерью сглупил. Оба, держась бок о бок, спокойной уверенной поступью спустились с террасы и направились навстречу шеренге убийц. А те, вместо того, чтобы с криками радости окружить подставившуюся парочку, при их приближении начали с пластикой мастеров танца растекаться в разные стороны.

Три секунды, и вот уже фигуры без лиц стоят в два ряда, образовав широкий коридор. С одной его стороны замерли, наконец-то, Камай и Трейя, с другой стоял непонятно кто. Тоже черная фигура, но голова не прикрыта здешней боевой разновидностью мотоциклетного шлема. Однако светлее это её не сделало, потому как мужчина далеко не блондин, а причёска у него роскошная, ниспадающая до середины глаз. Плюс имеется фигурно подбритая борода.

Должно быть, в компенсацию за внезапно отнявшиеся ноги у меня обострилось зрение, раз в безлунную ночь сумел разглядеть такие подробности.

– Приветствую вас, госпожа Трейя из клана Кроу и Камай, последний воин первого круга клана Кроу, – чуть насмешливым, чётко поставленным голосом произнёс чернобородый.

Не знаю, смогу ли я его опознать, если он побреется, но стоит ему произнести пару слов, тут же укажу пальцем. Изъясняется будто профессиональный актёр романтического жанра. Ставлю палец против целой руки, что это аристократ. Здешняя феодальная верхушка живёт по особым законам, предписывающим им держаться пафосно во всех ситуациях. Особенно это касается разговоров. Даже с самым близким человеком в диалоге могут прорываться фразы, достойные финальной речи киношного злодея в низкобюджетном фильме. Это когда негодяй, повязав положительного героя по рукам и ногам, вместо того, чтобы перерезать глотку, рассказывает ему, какой он неудачник. Ну а тот, внимательно слушая, перепиливает верёвки ножом, припрятанным в каком-нибудь героическом местечке.

В этом незнакомце пафоса на троих хватит. Простолюдины так не выражаются, даже когда пытаются подражать знати.

Мать, с непринуждённым видом опершись на алебарду, ответила ледяным тоном:

– И я тебя приветствую, мастер Пенс, изгнанник рода Фолл, примкнувший к Безликим теням. Удивлена, что ты лично решил почтить нас своим присутствием.

Несведущий человек из речи Трейи поймёт только то, что она знает этого, гм... гостя. А я едва не охнул, уловив в её речи нехорошие моменты.

Во-первых, она обращается на "ты" к аристократу. Это не считается оскорблением, но и хорошим тоном не назовёшь. К тому же этот человек, или его подручные, перебили наших слуг. И судя по зареву, которое разгорается в стороне мельницы, этим наши потери не ограничиваются.

То есть, мать уничижительно обращается к врагу. И этот враг чертовски силён, раз она прямо-таки выдавила из себя слово "мастер".

Мастер – это серьёзно. Камай – не мастер. Он даже на подмастерье не тянет, если брать земную терминологию. Для нищего северного края – чертовски хороший боец, но на юге, такие как он, по десятку на каждом углу.

То есть, несмотря на то, что пенс на Земле – ничтожно мелкая монетка, перед матерью и Камаем стоит значительная фигура. Я даже думать боюсь, до какой ступени просвещения добрался этот монстр. Уж явно не меньше тридцать пятой, а это звучит страшно. Если он не омега (что вряд ли), Камаю против него ловить совершенно нечего. А уж матери и подавно.

Она не афиширует свою ступень, но я наблюдателен и неглуп, а потому уверен, что не выше двадцать пятой. Как и положено большинству аристократов, она, скорее всего, полная

альфа хотя бы на первых ступенях, когда жила хорошо, и не ниже беты для более высоких, кое-как пройденных под давлением жизненных невзгод. Может против Камая она что-то и значит, но против мастера – вряд ли.

А мастер этот не в одиночку появился. С ним орава явно немирных людей. Понятия не имею, какие у них ступени, но шестое чувство подсказывает, что столь серьёзный тип не станет таскать за собой выпускников детского сада.

И что это значит?

В первую очередь то, что Трейя допрыгалась. Не понимаю суть происходящего, но почти не сомневаюсь, что прямо сейчас ту, кого мне приходится называть матерью, станут убивать. И в предстоящей схватке поставлю на её противников, потому как они явно сильнее.

Следовательно, прямо сейчас сбудется моя мечта.

Эта сука подохнет.

И я, скорее всего, тоже. Увы, но у здешних аристократов так принято. Если уж начинают кого-то вырезать, паузы делать считается дурным тоном. В случае с Кроу случилось исключение из этого правила, и вряд ли оно повторится.

И одного раза – много.

Страшно ли мне? Даже сам не знаю... Однажды я уже умирал, а последовавшая за этим новая жизнь, не сказать, чтобы сильно радовала. Это будет больше похоже на освобождение.

Да, пожалуй, мне не страшно. И я даже этого хочу.

Но только в одном случае.

Я должен умереть после Трейи. Я просто обязан насладиться зрелищем её гибели.

До последнего мгновения.

Участники представления не стали делать паузу, дожидаясь, когда моя голова всё прочитает. Их общение не останавливалось.

– Вы слишком много значите для меня, чтобы оставить наше с вами дело на посторонних, – ответил Пенс на невежливое приветствие моей матушки. – Это ведь всего лишь ночные тени, безликие и безымянные. Нет, последнюю точку в летописи клана Кроу должна поставить моя рука.

– Такая значит цена у слова императора, – с презрением произнесла Трейя.

Пенс покачал головой:

– Боюсь, император здесь ни при чём. Хоть я и не исключаю того, что будет рад произошедшему здесь, но это не его желание. Вас, Кроу, слишком многие не любят. Есть за что.

– Леди Трейя удалась в изгнание, дав слово, что никогда больше не станет матерью, – заявил Камай. – В её смерти нет ни чести, ни смысла.

Даже я удивился. Когда говорят аристократы, такие, как Камай, обязаны ловить каждое слово, рта при этом не разевая. То, что он подал голос – против всех правил. Это так же дико, как уборщик в штаб-квартире ООН, прорвавшийся на трибуну, чтобы потребовать разбомбить Воронеж.

Пенс снова покачал головой:

– Камай-Камай... Я хорошо тебя помню. Ты подавал надежды. И ты же их похоронил. Не ты первый, кто попался в эти сети. Изгнание, мой друг, подразумевало, что леди будет сидеть в самом глухом углу, где её никто не увидит и не услышит. То, что она начала писать письма, это уже против правил. А с учётом содержимого её посланий и того, кому они предназначались, превращает всю затею с изгнанием в фарс. Один раз ей уже была оказана милость. Великая милость. Второго раза не будет. Отойди в сторону, Камай. Ты ведь прекрасно знаешь, что не сможешь мне помешать. А мне не нужна твоя смерть. Я пришёл за леди Трейей и её никчемным вырождением.

А вот это ему говорить не стоило. Моя мать, в целом, очень терпеливый человек. Есть всего одна вещь, которая способна вывести её из равновесия в один миг.

Меня нельзя называть выродком.

Тяжёлая нагината крутанулась в тонкой женской руке столь изящно, будто ничего не весила.

И в тот же миг из второй руки матери вырвался свет. Он был столь ослепительным, что мне пришлось опустить веки.

Как про неё шептали слуги? Если им верить, то своей магией Трейя способна заставить закипеть глаза в глазницах. Всегда считал это сказками, или, как минимум, бессовестным преувеличением.

Но сейчас начал сомневаться.

Глава 4

Всё ци клана Кроу

Ступени просветления: пустота...

Атрибуты: нет

Навыки: нет

Состояния: нет

Не знаю, что за магией сверкнула мать, но одно могу сказать точно – это не сработало. Первый её удар нагинатой я пропустил из-за того, что зажмурился, но нет сомнений, что он тоже прошёл впустую.

Когда открыл глаза, увидел, как Пенс непринуждённого уворачивается от бешено мелькающего лезвия. Его движения были молниеносны, и при этом он всеми способами показывал, что все эти атаки его забавляют, а не напрягают. Он разве что задницу не чесал в перерывах между отчаянными взмахами и выпадами, которые с потрясающей быстротой устраивала Трейя.

Даже я, ненавидя эту гадину каждой клеткой своего ушибленного мозга, невольно залюбовался. Никогда прежде помыслить не мог, что мать этого никчемного тела способна на такие трюки. Это фантастичнее любого азиатского боевика по сложности и скорости, и одновременно прекраснее, чем танец профессиональной балерины.

Но Пенс ни на шаг не отступил. Он ухитрялся оставаться между лопастями работающего вентилятора, вовремя приседая, отклоняясь, подпрыгивая. И даже не пытаюсь вытащить меч. Судя по ухмылке, происходящее его совершенно не напрягало. Да он, того и гляди, хохотать начнёт.

Камай в стороне не отсиживался. Он прямо сейчас заходил Пенсу за спину, положив ладонь на чёрную рукоять своего меча. Два года назад этот воин одним взмахом своей кривой железяки перерубил наискосок разбойника, облачённого в стёганную куртку, укреплённую бляшками, выточенными из коровьих копыт. Так себе доспех, но всё же какую-то защиту давал.

Клинок рассёк и куртку, и тело, и рукоять громадного колуна, которым за день до этого разбойник жестоко прикончил Квайсу – нашего кузнеца, тащившего домой целый мешок болотной руды, которую он добыл самолично. Должно быть, убийца подумал, что там лежит что-то куда более ценное.

Он ошибся, проиграв жизнь. Камай знал цену умелым людям, и спустить гибель нашего лучшего кузнеца не мог.

Меч покинул ножны с неуловимой для глаза быстротой. Лезвие размазало в воздухе на пути к шее Пенса.

И врезав по этой самой шее, отскочило от неё, будто от бетонной стены.

А Пенс, гибко обернувшись, впервые за всё время схватки атаковал сам. Ударил левой рукой. Небрежно ударил, будто пощёчину нерадивому слуге отвешивая.

Камай от такой "пощёчины" улетел метров на десять. Выглядело это так, будто он оказался на пути бешено мчащегося автомобиля. Покатился, потеряв меч, зарылся лицом в смесь грязи и соломы, коей был покрыт весь двор, да так и остался лежать, не шевелясь.

Мёртв? Возможно. Я бы на его месте точно помер. Однако, с Камаем возможны варианты.

Или невозможны? Я впервые видел работу мастера и понятия не имел, на что тот способен. Судя по удару, по непринуждённому виду Пенса и по тому, что его люди даже не шевелились, наблюдая за схваткой, он, такими, как Камай, ботинки у порога вытирает.

Продолжая стоять под атаками матери, Пенс ухмыльнулся и, чуть сбавив градус пафоса, ни капли не напряжённым голосом поведал ей о ближайших перспективах:

– Леди Трейя, сожалею, но я буду вынужден вас убить. Но вы умрёте не сразу. Прежде чем ПОРЯДОК одарит меня за победу, вы увидите смерть вашего выродка. Господин Рсай особо настаивал на том, чтобы он умер первым, на ваших глазах.

Выродок – плохое слово. Взбешённая мать на миг сбилась с ритма смертоносного танца. Это даже для меня, полнейшего профана, очевидно.

А Пенс, как бы вплетая недостающий элемент, пропустил лезвие нагинаты над собой, одновременно шагнув вперёд и вскидывая всё ту же левую руку.

Мать с криком отлетела на несколько шагов и упала, прокатившись по земле. Попыталась подняться, но рухнула снова, после чего на боку поползла в сторону своей алебарды. Та, совершив в воздухе пару оборотов, вонзилась в землю на полпути к террасе.

Не знаю, что этот мастер сделал, но, похоже, у Трейи серьёзные проблемы. Левая половина тела её не слушалась, рука и нога стали ватными. Даже если она доберётся до оружия, не представляю, что сумеет сделать в таком состоянии.

Зато прекрасно понимаю, что сделает Пенс. Он даже связываться с матерью не станет. Просто обойдёт её, или даже переступит через искалеченное тело.

А потом поднимется на террасу и прикончит меня.

Как и обещал.

Я уже выяснил, что смерти не боюсь. Отмучаться – не так страшно, как существовать овощем, что грозит в том случае, если меня пощадят.

Но меня приводила в ярость мысль, что моё убийство останется безнаказанным.

Это ведь уже второй раз, когда я это дело спускаю.

Пора как-то исправлять нехорошую тенденцию...

Абунай – святыня Кроу. Поколения за поколениями они сливали в него ци. Возможно, даже так переусердствовали с жертвенностью, что это ослабило семью. Так что, это может быть одной из причин угасания династии. В итоге от клана осталась лишь амбициозная стерва и её ущёрбный отпрыск. Причём, про последнего говорить о чистоте крови не вполне уместно. Ведь в нём скрывается тот, кого мамаша принесла в жертву, тщетно надеясь, что это сделает из её пустого выродка полноценного человека.

По легенде, когда-то у Кроу должен родиться уникальный ребёнок, который сумеет распорядиться сокрытой в абунае ци таким образом, что это прославит клан на веки вечные и возвеличит выше Небесной вершины. А до тех пор полагалось его заполнять при любой возможности. Сосуд сделан из зачарованного драконьего стекла мастером, который унёс секрет изготовления в могилу. Так что, технология утеряна, но достоверно известно, что сколько ни вливай вездесущей энергии, ничего страшного не случится.

Главное – относиться к абунаю бережно. Не швырять его в пропасть, ибо это может его разбить. И не пытаться сверлить алмазом. Против столь крепкого минерала драконье стекло уязвимо, а любое повреждение стенок способно привести к нарушению целостности и мгновенному высвобождению начинки.

Ци – это, конечно, не взрывчатка, но и не сказать, что опасаться совершенно нечего. В моей руке сейчас зажата авиабомба на сотню килограмм. Как однажды оговорилась моя мать, сила, заточённая в абунае, развеет на первородную пыль всякого, в ком не течёт кровь Кроу.

Вот сейчас и проверим...

Алмаза у меня нет. Остатки клана Кроу не настолько богаты, чтобы хранить дорогостоящие самоцветы в карманах немощного мальчишки. Зато у меня есть амулет. Чёрный коготь на шнурке. Он постоянно висит на моей шее, позволяя мне влачить существование в относительно приличном состоянии. Как только его снимают, я тут же превращаюсь в абсолютно беспомощный овощ.

А снимать его приходится регулярно. Камай возит его на юг, в город, где платит деньги зачарователю, который накладывает на амулет нужный мне эффект. Увы, не навсегда. Процедура требуют цы, потому стоит недёшево, и через некоторое время её необходимо повторять. Это один из главных источников наших расходов.

Но сейчас значение имеет не магический эффект, а материал амулета. Коготь некогда принадлежал одному из неприятнейших созданий Пустоты. Великому герою из Кроу повезло его прикончить, после чего клан обзавёлся мощнейшим артефактом.

Этот коготь не уступает алмазу по твёрдости. Возможно даже превосходит. Я всеми фибрами души ощущал, как вибрирует поднесённый к груди абунай, чье стекло со скрежетом поддаётся напору кривого острия. Если это не воображение шалит, внутри и правда закипает нешуточная сила, почуявшая скорое высвобождение из векового заточения.

Сейчас... сейчас я тебя выпущу.

Пенс не обманул мои ожидания, он таки переступил через мать. А та только и смогла, что протянуть вслед правую руку, тщетно попытавшись ухватить за щиколотку.

– Нет! – пронзительно выкрикнула она вслед убийце, направлявшемуся к её ненаглядному сыну.

Остановившись, Пенс обернулся, насмешливо спросив:

– Может, хоть сейчас ты скажешь, от кого зачала этого уродца? Ведь личность его папаши – одна из величайших загадок нашего времени. Я слышал официальную версию о тайном временном браке с анонимным аристократом. Доходили до меня и неофициальные слухи. Те самые, про твоё детство и юность взаперти, в каменной башне, где до твоего целомудрия никто не мог добраться, однако это всё же случилось. Но, глядя на Гедара, не могу поверить ни в то, ни в другое. Его отец скорее вечно пьяный забулдыга, не гнушающийся наркотиков, которые разрушают структуры ПОРЯДКА. И уж он точно не был благородным. Только у самого никчемного папаши мог получиться столь нелепый результат. Кроу больше нет, и нет смысла скрывать эту тайну. Кем он был? Конюх? Бродяга уличный? Давай же, Трейя, скажи. Взамен я обещаю убить выродка быстро.

Быстро?! Чёрт, мужик, не надо торопиться, мне совершенно некуда спешить!

Проклятое стекло, не желающее поддаваться острию когтя! Проклятый абулай! Проклятые Кроу и их непонятные разборки!

Мать, судорожно скребя по земле ослабевшей рукой, прошипела, сверля Пенса испепеляющим взглядом:

– Будь здесь отец моего мальчика, ты бы давно был мёртв.

– Ну да, конечно, – насмешливо кивнул Пенс, вновь разворачиваясь ко мне. – Что-то не помню, чтобы мне предрекали смерть от смеха, так что, скорее всего, увидеть того простолоудина, который первым пробрался под твою юбку, мне не доведётся. Эй... Ты что там делаешь?..

– Гедар!!! Давай!!! – не своим голосом вскричала мать, уставившись на меня безумным взглядом.

Не знаю, как, но она поняла, для чего я держу абулай перед грудью. И даже не стала меня ругать за столь неаккуратное обращение с реликвией. Более того, наоборот, поддержала, призывая сделать это именно сейчас.

Я бы с радостью, но эта проклятая хреновина не сдаётся. Уже обточил её по кругу, устроив знатную борозду, а она даже не думает разлетаться.

А времени, между прочим, не осталось. Пенс тоже что-то нехорошее заподозрил, вон как в лице переменялся. Должно быть, в курсе насчёт абулая и верит в то, что это не шарлатанство.

За спиной мастера поднялся Камай. Воин, пошатываясь и приволакивая ногу, направился к врагу, на ходу вытаскивая кривой кинжал. Не знаю, что он собрался с его помощью устроить противнику, который голой шеей останавливает клинок меча. Скорее всего – ничего.

Значит, отвлечь Пенса от меня Камай не сможет.

Жить оставалось секунды две.

Говорят, в состоянии крайней степени отчаяния у человека может проявиться несвойственная ему сила. Не знаю, сработал этот эффект или то, что стекло сильно пострадало от предыдущих покушений, но со всей дури надавив на коготь, я ощутил, как стенка сосуда с хрустом поддается, разом давая слабину, пропуская руку с зажатым в ней амулетом внутрь.

Краем глаза успел разглядеть Пенса, который взвился в воздух, прыгая не ко мне, а, наоборот, прочь от меня, навстречу Камаю.

А затем мир утонул во вспышке света, который был столь нестерпимо ярк, что вмиг выжег всё вокруг.

Включая моё сознание.

Глава 5

Поле боя

Ступени просветления: неизвестно

Атрибуты: нет

Навыки: нет

Состояния: нет

– Асами пае дакто, – мелодичным голосом произнесла незнакомка.

Изучая её, я едва не удержался, чтобы не присвистнуть. Высокая женщина немислимой красоты смотрела на меня с таким выражением, будто это не я здесь разлётся, а самый грязный в мире бродяга, страдающий от проказы, сифилиса и газовой гангрены. Такого презрительного взгляда никогда до сих пор не видел.

Как и такой красоты.

Неземной красоты.

Ну не может на Земле такое чудо уродиться. Абсолютная естественность, возведённая в квадрат. Ни миллиграмма косметики, ни штриха от скальпеля пластического хирурга. Да что там химия, даже причёска выглядит так, будто над ней не расчёска поработала, а буйный ветер, ухитрившийся каждый волосок уложить именно так, как он обязан лежать. И одета не по моде. Какая-то чёрная хламида, закрывающая всё тело, кроме ладоней и головы. Лицо европейское, но в то же время с примесью экзотики, будто среди близких предков затесался азиат.

– Тайс амушаби, аби Трейя, – чуть наклонив голову, заявил второй присутствующий.

А вот этот ни разу не красив. Но мне судить трудно, в мужской красоте я почти ничего не понимаю. Разве что слащавого модного парня отличу от брутального мачо, как бы первый ни пытался выдать себя за последнего.

В чём, к слову, не вижу смысла. С точки зрения женского интереса, это та ещё лотерея, кто каких предпочитает. Барышни, как правило, сами на такой вопрос однозначно ответить не могут.

Как и полагается непредсказуемым созданиям.

Так вот, Трако Дарс, если оценивать по показателю модной слащавости, значительно уступает даже матёрому медведю, поднятому охотниками зимой из берлоги в состоянии крайней степени негодования. Абсолютный хозяин жизни. Аура опасности и непоколебимой уверенности в своих силах, расходящаяся от этого человека, должно быть разгоняет гопников за четыре квартала. Наверняка такому серьёзному типу дают взятки дорожные полицейские в отсталых странах, и предлагают деньги за секс продажные женщины в развитых. Иначе не объяснить, почему он при таком же скромном одеянии, как у Трейи, выглядит столь богато.

Да он похож на мечту всех официантов. То есть на парня, оставляющего килограмм золота на чай.

В общем, предельно крутой мачо, почему-то забравшийся в мрачные руины. Возится с какой-то жаровней, будто решил устроить барбекю в этом мрачнейшем месте. Только вместо мяса разогревает длинный кривой нож со сверкающей красными самоцветами рукоятью.

Древние замшелые стены, в которых не хватает вывалившихся блоков, зато не счесть трещин. Россыпи костей и черепов в многочисленных нишах. Громадный плоский камень, на котором надёжно зафиксировано моё тело. Писклявый плач младенца где-то за головой, куда не дотягивается взгляд.

Это в какие края меня занесло? Это что, сон такой? Может и так, ведь последнее, что я помню, как откинулся на сиденье автобуса и начал подрёмывать. Это было куда лучше, чем

смотреть в окно. Водитель жал на газ так, будто не людей за деньги перевозит, а спасается от погони, увязавшейся за ним из того самого дурдома, в котором он должен был отсидеть ещё лет сорок.

Что это за подвал? Что за люди? На каком языке они говорят? И почему я знаю, как их зовут?

Как-то это не похоже на сон. Ведь в тех случаях, когда я осознавал, что сплю, пробуждение происходило без промедления.

Стоп! Я ведь и вправду знаю их имена!

Да я и слова, оказывается, понимаю. Просто только сейчас это до меня дошло.

И до меня, заодно, дошло ещё кое-что.

Важное и страшное.

Я понял, что никакое это не барбекю.

Я точно знал, для чего переназначен нож с драгоценной рукоятью.

Всё вспомнив, я, наконец, понял, что да, это действительно сон.

И просыпаться надо прямо сейчас.

* * *

Вырвавшись из намечающегося кошмара, я понял, что угодил в другой, доселе не испытанный. Зато до сих пор жив. Ну не может мёртвое тело так сильно страдать. А если речь идёт о воспарившей душе, её страдания должны иметь исключительно духовную а не физическую природу.

Приоткрыв глаза, я сумел согнуть руку, спасая ладонь от нестерпимого жара, от которого кожа, по-моему, уже начала попахивать жареным. Очень уж характерный запах забивает ноздри.

Сознание работало плохо, но всё же отметило странную насыщенность тревожного аромата. Потягивает не добротным приготовленным блюдом, а пригорающим, которое даже если спасёшь, не рассчитывай на вкуснейший ужин.

Не может слегка обожжённая ладонь так вонять. До неё ведь даже огонь не добрался.

Сам огонь я разглядел во вторую очередь. Сознание разгонялось чересчур медленно, потому окружающее я воспринимал фрагмент за фрагментом, а не всю картинку сразу и целиком.

Полыхал пол террасы. Доски для него приготавливали оригинальным способом. Я даже не знаю, можно ли это называть досками. Скорее – колодами. Но не уверен, подходит ли такой термин. Увы, в плотницких делах разбираюсь смутно.

Как и во многих других.

Брёвна раскалывались вдоль при помощи деревянных клиньев, которые в них голыми руками забивал Камай. Таким способом он совмещал тренировки ладоней и полезное для хозяйства дело. Полученные половинки отёсывались до гладкого состояния и хитроумно укладывались плоскими сторонами кверху.

Вот так и получился пол террасы. Все детали массивные, такие разгораются медленно, зато горят долго. Благодаря этому пламя от пылающего дома добралось до меня не так быстро.

Почему начался пожар, я не знал, но догадывался, что всему виной, – сила, освободившаяся из сосуда, над которым грубо поиздевался мой амулет. Складывалось впечатление, что я стал эпицентром нешуточного взрыва. Стулья и прочие предметы расшвыряло в разные стороны, сорвало ограждение террасы, вдавило внутрь стену, и разметало крышу над головой. Пространство перед главной постройкой усадьбы было усеяно всем тем, что разлетелось от меня подальше.

Сам я пребывал в центре беспорядка и обязан был погибнуть, но этого не наблюдается. Да, чувствую себя, мягко говоря, не слишком прекрасно, но это вполне нормально.

Потому что хорошо я себя здесь никогда не чувствовал.

Чёрное воинство не стояло надо мной с занесёнными мечами. Убийцы лежали там, где их настигла волна высвободившейся силы. Тёмные кочки так и располагались в два ряда, за их жертвами в белых ночных одеяниях.

И трупы нашей прислуги стали другими. Кожа у них почернела, будто обуглилась. Но этого не может быть, потому что ткань в таком случае тоже должна потерять цвет, чего не наблюдалось ни на одном теле.

Впрочем, я не особо ломал голову над загадками происходящего. Даже то, что главный убийца исчез вместе с Камаем, меня не напрягало. Пусть хоть за спиной моей прячется, дабы в нужный момент перерезать горло.

Плывать. Главное, успеть кое-что сделать до этого самого момента.

То, что я сумел подняться – чудо. А то, что после этого сделал шаг – чудо великое.

Как и все последующие шаги.

У меня была цель, к которой я готов без рук и ног доползти. Но я не ползу, я иду. Иду в правильном направлении.

И это прекрасно.

Кожа на лице и руках матери не изменилась. В том смысле, что не почернела, как на всех прочих. Трейя не шевелилась, но меня не обманешь.

Она всё ещё жива. Удерживается в миллиметре от смерти, но продолжает дышать. Я чувствую это. Не знаю чем и как, но чувствую. Ведь меня к этой женщине привязывает не только ненависть. Слишком много общего скопилось у меня и человека, который оборвал одну мою жизнь и самоотверженно защищал другую. Вот поэтому я уверен, что у меня есть немного времени, чтобы сказать ей последние слова.

Но даже сейчас мать себе не изменила. Она не позволила мне перехватить инициативу. Я даже не успел до конца присесть, делая это медленно и осторожно, всеми силами стараясь не завалиться, окончательно потеряв равновесие.

Трейя резко открыла глаза, шевельнула одной рукой, тут же её приподняв. Но не чтобы помочь. Она ухватилась за амулет, мелко при этом задрожав. Спустя пару секунд расслабилась и еле слышно прошептала:

– Гедар... шкатулка... Твоя сумка... Дай...

Зачем ей это понадобилось в такой момент, я понятия не имел. И вообще, мне нет дела до странных капризов умирающих. Я ведь не за этим к ней подошёл. Но власть этой женщины надо мной столь велика, что у меня из головы вылетело, что я, собственно, здесь делаю.

Послушно достал шкатулку, протянул.

– Открой... Достань... – прошептала Трейя.

Подцепив нефритовую крышку, вытащил содержимое. Фигурный шёлковый мешочек, в котором прошупывались знакомые предметы.

Сжав его, мать захрипела, после чего почти бессвязно произнесла:

– Высшие силы... последние слова... просьба умирающего... Это надо. Это очень надо моему мальчику. Дайте... дайте ещё.

Вновь мелко задрожав, она тут же расслабилась и умиротворённо протянула:

– На шею. Надень его на шею. Вместе с амулетом. Не снимай.

Выполняя указание Трейи, я внезапно осознал, что являюсь никем иным, как распоследним болваном. Вместо того чтобы высказать ей всё, что должен высказать, я веду себя, как маменькин сынок.

А ведь эта гадина подышает. Я так останусь ни с чем.

Потому поспешно произнёс:

– Я не Гедар.

– Гедар... мальчик мой... – пролепетала женщина, обессилено опуская веки.

– А ну стоять! Не вздумай подохнуть! Не вздумай! Я не Гедар! Ты слышишь меня?! Я не Гедар! Это не твой сын, это только оболочка от твоего выродка! И эта оболочка не пустая! В ней кое-кто поселился! Ты помнишь меня?! Ты должна помнить! Это ведь ты вырвала моё сердце! Ты и Трако Дарс это сделали! Ты пом...

Осёкшись от дичайшей судороги, набросившейся на каждую мою мышцу, я завалился на мать, выдавив из её груди воздух. Услышав при этом её последнее слово:

– Ге... Гедар...

А вот теперь точно всё. Не поговорили. Умиравшая женщина даже не поняла, какую змею пригрела, до последнего сражаясь ради пустой оболочки, давно захваченной чужаком.

Чёрт! Я ведь обязан был объяснить ей, что она и правда родила выродка. В её ничемном сыне разума и на каплю не наблюдалось. Он и правда пустота, он чистый лист, а я текст, который она, в своей слепой материнской заботе, записала туда, где должно было размещаться сознание настоящего Кроу.

Трея умерла в полной уверенности, что до последнего всеми силами оберегала Гедара, а не захватчика, затаившегося в его пустой оболочке.

То есть, умерла с чистой совестью. А это очень плохо. Настолько плохо, что даже боль от судороги, терзавшей тело, не смогла отвлечь меня от осознания упущенной возможности.

Я был обязан взять своё. Объяснить этой стерве всю глубину её ошибки. Она должна была подохнуть в отчаянии, скрежеща зубами от бессильной ярости.

Судорога отпустила, но боль не ушла. Со мной что-то происходило. Что-то никогда до этого не испытанное. Волна ци, прошла через тело не бесследно. После неё что-то осталось.

И это что-то терзало меня с жестокостью профессионального палача.

Будь на моём месте нормальный житель этого ненормально мира, скорее всего, здесь бы всё и закончилось. Однако, я это я – самое слабое существо, какое только можно вообразить. И существо страдающее годами. Страдающее непрерывно. Страдающее с того самого момента, когда раскалённое остриё жертвенного ножа обожгло кожу на груди.

Так что, страдание – дело привычное.

Судороги – ничто. Как и боль, они мало что добавляют к привычному для меня существованию. Телесная немощь – даже не смешно. Без амулета я неподвижный овощ, который и дышит-то с трудом, куда ему шевелиться. Моя походка вдребезги пьяного забулдыги – это тоже вполне нормально. Мне впору собою гордиться. Бывало, я за две недели не делал столько шагов, сколько сделал сейчас.

И сделаю ещё.

Я уходил. Не знаю куда, просто шёл вперёд. Сейчас мне надо оказаться как можно дальше от зарева, оставшегося за спиной.

Убийцы, пришедшие в усадьбу, погибли. Разве что один, возможно, каким-то образом избежал общей судьбы. Не исключено, что он исчез при помощи местной магии, как и Камай. Оба должны были погибнуть, почернеть под натиском ци, собираемой многими поколениями Кроу. Останков от них нигде не видно, а умчаться от волны смерти они никак не успевали.

Выброс энергии, на которой держится весь этот мир, пощадил лишь мать.

И меня.

Оболочку последнего Кроу, захваченную пришельцем.

И этот пришелец умеет думать даже в столь сложном состоянии. Я помню, что горит не только усадьба, а и мельница. Возможно, это дело рук других убийц, избежавших общей участи. Если это так, очень скоро они обнаружат гибель своих товарищей. Или вернётся тот, от чьей руки погибла Трея.

Жаль, что не от моей...

Чем дальше я уйду, тем больше шансов выжить.

Хотя зачем она мне нужна, такая жизнь?..

Глава 6

Взглянуть в себя

Ступени просветления: неизвестно

Атрибуты: нет

Навыки: нет

Состояния: нет

Проснулся я, вынырнув из кошмара, который всем кошмарам кошмар. Я сгорал заживо вместе с усадьбой, потому что мой амулет увёз Камай, а без него нельзя подняться с постели, не говоря уже о ходьбе. Мои кости голыми руками ломал Пенс, а мать, стоя рядом, аплодировала на каждый треск. Тшими, выбравшись из могилы, рассказывал мне об особенностях пищевого поведения разных видов червей и о том, что ощущает разлагающийся труп, когда эти мелкие твари его пожирают.

Ну и сердце мне вытаскивали из груди раз пятнадцать. И при помощи раскалённого ножа, и с использованием холодного, и даже безо всяких инструментов, голыми руками.

Для таких, как Пенс и Камай – это плёвое дело.

И что самое нехорошее, проснуться не получалось. Я старался. Изо всех сил старался. Но никак. Даже начало закрадываться подозрение, что это явь. Это тот самый ад, который я заработал за нехорошие мысли по поводу зверского убийства матери и Трако Дарса. Должно быть, высшие силы этого мира считают, что даже думать о таком – смертный грех.

Но нет, обошлось. При очередной попытке я, наконец, выбрался в реальность.

Реальность оказалась необычной. Смутно помню, что потерял силы и свалился непонятно где. Думал отлежаться несколько минут, но потом последовал столь серьёзный приступ судороги и боли, что даже для меня это оказалось слишком.

Вырубился.

Рассчитывал очнуться на земле, но оказалось, что лежу на сухой соломе, погрузившись в неё чуть ли не с головой. Ложе потряхивает, подо мной что-то монотонно поскрипывает, слышно невнятное бормотание негромких человеческих голосов, а в ноздри бьёт концентрированный запах навоза.

Подмеченного хватило, чтобы осознать – никакая это не земля. Я нахожусь в повозке, которая куда-то движется. Слева и справа меня окружают мешки, бочки и ящики. Заметно, что их раздвинули, дабы освободить место именно под габариты моего тела. То есть, кто-то проявил заботу.

Это утешает. Но я человек недоверчивый и потому не стал торопиться показывать, что пришёл в себя.

Вместо этого попытался проанализировать своё состояние. Дело в том, что некоторые моменты во сне, из которого я с трудом выкарабкался, нельзя относить к кошмарным. Скорее, к странным, или даже к специфически бытовым, если судить по меркам этого мира.

Сжал левую ладонь. Затем правую. Слушаются. И даже ощущаю, что смогу ими с приличной силой что-нибудь ухватить. Их возможностей, наверное, хватит для удержания полной тарелки с супом, что для меня – немалое достижение.

Стараясь не выдавать себя резкими движениями, проверил остальные части тела. Вроде, всё работает прекрасно, хотя в лежачем положении полностью в этом убедиться невозможно.

Ладно, будем считать, что с суставами и мускулатурой разобрался.

Дальше подошла очередь органов чувств. А вот тут всё одновременно и проще и сложнее. Я разве что по поводу вкуса не уверен, но всё остальное работает прекрасно.

Даже более чем прекрасно. Я никогда не слышал звуки настолько хорошо. Они будто объёмным стали, подсказывая направления на источники и выдавая свои особенности. Зрение – аналогично. Да я в обычной соломе мог насчитать десятки цветовых оттенков, чего раньше и близко не наблюдалось. Пальцы мои стали столь чувствительными, хоть в шулера подавайся, а нос в навозной вони различал некоторые нюансы, по которым я определил, что источником запаха являются несколько лошадей, у одной из которых, возможно, что-то нехорошее с желудочно-кишечным трактом.

– Проклятая Чмарька, опять у неё брюхо раздувает, – подтвердил мои ветеринарные предположения голос одного из возникших.

Почему одного из? Да потому что их несколько, по одному или два на повозку. Это тоже подсказал мой слух, когда я кое-как разобрался в необычном избытии информации, которую он выдавал.

Ребёнок, тело которого я захватил, был полностью неполноценным. Он едва слышал, слабо видел, а запах навоза не всегда мог ощутить, даже уткнувшись лицом в свежайшую коровью лепёшку. Вкуса у него хватало только на то, чтобы мёд с солью не перепутать, а пальцы на ощупь не способны отличить задницу от лица.

С этим телом определён что-то произошло. Если раньше я в нём ощущал себя, как ступня сорок пятого размера, втиснутая в детский ботинок, то теперь всё по-другому. Оно сидит на мне, как влитое.

Это больше не тело Гедара – это моё тело.

Необычное ощущение. Приходится заново привыкать к тому, что для обычного человека – норма.

Судорог нет, но осталась боль, угнездившаяся во всех суставах. Но она вполне терпимая и даже чуть приятная. Нет, не в том смысле, что я получаю удовольствие от хлыстов в руках озабоченных дамочек, облачённых в чёрный латекс. Это что-то вроде "мышечной радости" у людей, занимающихся спортом. Тот случай, когда человек изрядно перетренировался, отчего на следующий день ощущает себя не слишком хорошо, но понимает, что это пошло ему на пользу.

Понятие не имею, что со мной происходит, но должен признать, что с телом если не полный порядок, то всё очень хорошо. Так хорошо, как никогда до сих пор не бывало.

Значит, не мешает продолжить изучение своего состояния. Углубиться в то, чему в моём мире нет аналогов.

Проблема в том, что я очень смутно представляю, как это делается. Мать и приводимые ею время от времени умельцы не раз пытались меня научить азам работы с ПОРЯДКОМ. И я даже искренне старался, надеясь, что это позволит мне стать полноценным. Но всё без толку, ни разу ничего не получилось.

Но сейчас во мне что-то поменялось. Кто знает, вдруг это открыло прежде крепко запертые двери. На это намекают отдельные элементы кошмарного сна, из которого с трудом выбрался.

Однако сон – не реальность. Пока не попробуешь – правду не узнаешь.

Проблема в том, что мать и прочие толком не смогли объяснить, что и как следует делать. Это примерно то же самое, как учить человека медитации, при условии, что тот никогда прежде не интересовался духовными практиками и даже более того, считал их жалким шарлатанством.

Да уж. Задача. Пожалуй, это так же трудно, как объяснить слепому цветное разнообразие радуги.

Но я старался. Старался изо всех сил. До скрипа мозговых шестерёнок напрягал память, выуживая из неё всё, что доводилось слышать по этой теме. Вроде как, надо впасть в местную разновидность транса. Точный перевод, описывающий это состояние, звучит как "взгляд в себя". Вот и принялся выворачивать глаза по всякому.

Надо сказать, что я этим не первый раз занимаюсь. Уж сколько мне мать пыталась талдычить, да и несколько наставников, приведённых за немалую плату, тоже со мной изрядно намучались. Но никому так и не удалось ввести меня в это состояние. Складывалось впечатление, что это невозможно. То есть, способность заблокирована или вообще не предусмотрена.

Скорее – второй вариант, ведь зачем пустому смотреть на свою пустоту.

И вот я пытаюсь проделать это снова и снова. Выворачивая глаза в разные стороны, то закрывая их, то широко распахивая.

Без толку.

Ну да, чего ещё ждать от ни на что не годного выродка...

В этом мире лучше появится слепым и глухим, чем пустым. Я лишен главного инструмента взаимодействия с этим миром. Мой случай не поддаётся лечению или хотя бы объяснению, где это лечение следует искать. Я уникален. Да, похожие случаи не так уж и редки, но обделённые ПОРЯДКОМ бедолаги погибают либо при рождении, либо в раннем младенчестве.

Я тоже не должен жить. Но почему-то живу. В этом, конечно, колоссальная заслуга Трейи. Но у нее было не так много возможностей меня поддерживать. В общем, то, что пустое тело дотянуло до двенадцатилетнего возраста – великое чудо.

И не менее великая загадка.

В очередной раз над этой загадкой задумавшись, я, продолжая на автоматизме экспериментировать со своим зрительным аппаратом, столкнулся со странным явлением. Никогда прежде ничего подобного со мной не происходило. Меня как будто отодвинули на метр назад. То есть, вдавили вниз, под днище телеги. В яму, похожую на могильную: узкая, с вертикальными, чуть просвечивающимися стенками. За ними можно разглядеть смутные силуэты каких-то объектов, но что это такое, определить невозможно.

Картинка впереди просматривается лучше, но она сильно размытая и будто туманом затянутая, густым до такой степени, что хоть ножом на куски кромсай.

И в тумане этом висело что-то, более всего похожее на неровный клубок шерсти, с которым вдоволь позабавился игривый кот. Во все стороны торчат разорванные нити и петли, повсюду парят оторванные фрагменты. Они, медленно кружат, будто спутники, по круговым и эллиптически орбитам. Причём во всех направлениях, создавая давящее на глаза напряжение.

Попытавшись взглянуться вглубь клубка, я, наконец, отчётливо осознал, – у меня получилось.

То, что не смогли сделать Трейя и наставники, вышло у меня самостоятельно. И даже более того, я мог это повторить, потому что понял, каким способом это делается.

Да как два пальца...

* * *

Этот мир называется Рок. Единственную гласную букву полагаются тянуть, так что, если быть дотошным, следует писать Роок. Но Рок – куда интереснее звучит с точки зрения опыта моей первой жизни.

Правда, я не уверен, что так называется вся планета. Мою главную учительницу – Трейю, я понимал далеко не всегда. А задавать наводящие вопросы, как правило, не мог, дабы не рисковать разрушить имидж умственно неполноценного и полностью пустого создания.

Под маской безнадёжного недоумка очень удобно прятаться человеку, который ничего не забыл и дожидается возможности отомстить. Но при этом надо строжайше следить, чтобы не выдать себя ни в единой мелочи. Особенно это касается слов.

Вот потому по молчаливости приходилось конкурировать с Камаем.

Верования у местного населения интересные. Возможно, во времена Троянской войны и мои предки верили также. В ту эпоху об атеизме не могло быть и речи, боги являлись такой же невидимой, но бесспорной реальностью, как гравитация для моих современников.

Вот только у обитателей Рока богов, как таковых, не было. Точнее, не было их в данный момент. Дело в том, что, создавая мир, божества несколько перестарались. Дабы отодвинуть его подальше от территории неопишемого кошмара, или хаотической серости, на краю которой располагалась моя родина, они растворили себя в процессе созидания.

Это означало, что богов, как бы, нет, но их сила присутствует во всём, в каждой пылинке Рока. В одних местах или объектах её аккумулируется больше, в других меньше, но без неё не обходится нигде. Если я, конечно, правильно понял не очень-то внятные пояснения.

Вот эту неосязаемую субстанцию я и называю ци.

Различные существа (в том числе и разумные), имеют аппарат для управления этой силой. Вот именно в него я сейчас забрался.

И первое, что отметил – это полную непонятность. Как тут? Чего? Что тут вообще делать, и какими терминами это можно назвать? Всё равно, что пользователя калькулятора посадили за компьютер с неудачной программой, в двух словах объяснив её принципы. В общем, оптимизацией здесь не пахнет.

Возможно, у нормальных детей всё это выглядит иначе. Но я взрослый уроженец Земли, запертый в теле, которое от рождения было лишено намёков на разумность. Возможно, аппарат взаимодействия с ци у выродка также был не в порядке. Не просто так ведь сын Трейи появился на свет пустым. Инструмент для работы с параметрами ПОРЯДКА достался мне по наследству в таком изуродованном виде, что до того, как попасть под выплеск энергии из разрушенного кланового вместилища, я даже не мог к нему подключиться.

Ну вот, вроде бы, подключился. И что дальше? С таким же успехом неандерталец может вытаращиться в картинку загрузки операционной системы на мониторе ноутбука.

В первые минуты я вообще ничего не понимал. А затем методом проб и ошибок установил, что клубком, занимавшим значительную часть поля зрения, можно управлять. Точнее – менять его конфигурацию и расположение, разделять на части, а также волевым усилием вызывать что-то, весьма отдалённо напоминающее поясняющие надписи. Поначалу это были просто туманные образы, но я быстро научился переводить их в буквы и слова.

Всё равно ничего не получалось понять, пока я не пришёл к мысли, что рассматривать это надо не как нечто полностью чужое, а как привычный для меня интерфейс компьютерной программы. Самое оптимальное, что можно приспособить к ситуации – ролевою игрушку. Именно в таких играх к видимым параметрам прилагается надстройка из различных параметров, оказывающих влияние на возможности персонажей и предметов.

Вот тут дело пошло на лад. Не сразу, конечно, но я сумел упорядочить то, что у аборигенов, скорее всего, в подобной настройке вообще не нуждалось.

Ну да я тут один такой выродок. Приходится выкручиваться необычными способами.

Каждый житель Рока рождается со своего рода резервуаром ци. Процесс прохода по родовым путям – его первое испытание. Высшие силы, оставленные растворившимися по миру богами, вознаграждают младенца заполнением этого стартового вместилища.

Вот так аборигены получают первую ступень просветления. Ещё не начали реветь от обиды на то, что их выдернули из уютного и привычного вместилища, а уже добились многого.

Чего я за все двенадцать лет добиться не смог.

Да-да, резервуара ци у меня не было. Такой вот я выродок – полностью неполноценный. Мать и наставники всякими путями пытались определить его наличие, но приходилось признавать, что природа позабыла о нём позаботиться. Что, конечно, очень их удивляло, потому как в мире, где всё пронизано эманациями богов, трудно представить существование ребёнка, в котором нет ни единой частички первородной силы. Полностью пустой сосуд нежизнеспособен. Такое нередко происходит при кесаревом сечении. Высшие силы считают такой способ рождения слишком простым, потому во многих случаях вместилище заполняется не до верха.

Этого недостаточно для получения первой ступени, что означает быструю и неотвратимую гибель.

По мнению одного из наставников, мой сосуд не был заполнен даже частично. Его попросту не существовало. Вот это каким-то образом и позволяло мне влачить жалкое существование. Мать с ним не соглашалась, считая, что вместилище есть, но оно идеально-пустое, без капли первородной сути, и это тоже каким-то образом позволяет мне не умирать. Потому и спустила на меня целое состояние, пытаясь заполнить вручную, переведя меня на первую ступень столь нетипичным для Рока способом.

Состояние это она перевела впустую. Ци в меня уходило, как вода в решето. Куда девалось – непонятно, но толку от этого явно не было.

До этого дня.

Сейчас я видел своё вместилище. Оно, разумеется, нематериальное, или состоит из столь разреженной материи, что этим можно пренебречь. Усилиями воли я мог предавать ему любую форму и чуть поэкспериментировав, выбрал кольцо, разместив его по центру.

Это – главное. Основа моего, так сказать, второго я. Надстройка, без которой обитатели Рока не выживают.

Она у меня заполнена лишь частично. Для моего внутреннего взора это выглядит, как кольцо из дешевого грязного серебра, которое аккуратно распилили, залив прорезь распила чистейшим золотом. Если перекрасить в ярко-жёлтое всю оставшуюся часть, я перейду на первую ступень. То есть добьюсь того, что здешние младенцы получают при рождении.

Через тело моё прошло цунами ци, уничтожив в округе всех, в ком не было крови Кроу. Однако этой силищи хватило всего лишь на незначительную заполненную прорезь в пустоте моего кольца.

И где брать остальное? У меня был всего лишь один абулай, да и тот разлетелся на атомы. Где найти недостающую ци, я пока что не представлял.

А ещё надо признать, что меня обделили не только в этом.

Аборигены, при рождении обычно получают три атрибута из пяти возможных. Если упрощать пафос, коим переполнена эта тема, называть их можно просто: Сила, Ловкость и Выносливость. Полагается писать с большой буквы и произносить уважительным тоном.

У каждого атрибута есть свои ступени, вехи или уровни. От нуля, когда он вообще ни на что не влияет, до заданного максимума. Для примера возьмём пару молодых людей одинакового возраста. Первый пусть плохо ест и мало занимается физическим трудом. Растёт себе тощим хлюпиком, но при этом у него получается развивать атрибут Сила. Второй наоборот, жрёт за пятерых, пашет, как вол, да ещё и тренируется со штангой в свободное время. Но об атрибутах не заботится.

Допустим, эта парочка решает устроить состязание по подъёму тяжестей. Ну, так вот, – атлет может запросто проиграть дрыщу, потому как тот возьмёт своё за счёт высоко поднятого атрибута. Разумеется, задира его придётся прилично, дабы компенсировал телесную разницу, но вариант, когда дистрофик без шансов обыгрывает культуриста, в этом мире не выглядит немислимой фантастикой.

Для большей части населения этих трёх атрибутов вполне достаточно. Не так много видов деятельности здесь существует, которым требуется большее.

Те, у кого проявлены и подняты все три, называются омеги. Если я говорю: омега-три, речь идёт не о пищевой добавке из рыбьего жира, а о человеке, который добрался до третьей ступени просветления, не развивая ничего, кроме трёх заработанных при рождении атрибутов.

Итак, с вместилищем ци я кое-как разобрался. Оно у меня нулевое и заполнено еле-еле. Можно сказать – почти пустое.

С атрибутами все похуже. Их нет.

Ни пустых, ни частично приподнятых.

Никаких.

Я никчем, как по ступеням просветления, так и по атрибутам.

Я тот, кого в этом мире существовать не может.

Я не омега-ноль, я просто ноль-ноль.

Полный ноль...

Глава 7

Добрые люди

Ступени просветления: неизвестно

Атрибуты: нет

Навыки: нет

Состояния: нет

Я всеми способами пытался отыскать то, что должна была заложить в тело Гедара природа этого странного мира. Но тщетно. Ни Ловкости, ни Силы, ни Выносливости – ничего нет. Из меня даже нищий батрак не получится, потому как здесь видимое тело мало что значит. Если я каким-то фантастическим образом натренируюсь, став проворным атлетом, всё равно буду уступать ничтожному омеге-один, или в лучшем случае держаться с ним почти на равных.

Но нет, не будет никакого лучшего случая. Здесь параметры ПОРЯДКА – фундамент, на котором держится абсолютно всё. Если их нет, то и развивать тебе нечего.

Однако в процессе изысканий я обнаружил в себе кое-что интересное. Оказывается, над моим телом не одна надстройка, а две. Первая – основная, с чуточку заполненным кольцом ци. Во второй имеется странно выглядящее заполненное до второй ступени просветления вместилище и прилично подняты все три атрибута: Выносливость до девяти, Ловкость до шести, Сила до трёх.

Это весьма прилично, ведь на одной ступени просветления стандартный омега может получить лишь шесть очков атрибута. Или слепой случай, или разумный выбор один из них поднимает до тройки, второй до двойки, а третий до единички. И это всё – предел. Хочешь получить иной набор, открывай остальные атрибуты, что очень и очень непросто. Или переходи на следующую ступень, где заново набирай такой же лимит по своей троице.

То есть, моя вторая надстройка даёт мне столько же атрибутов, сколько насчитывается у омеги полного третьего круга. И показывает, что я достиг второй ступени просветления.

Поначалу я понятия не имел, в чём тут дело. Ну не бывает у аборигенов второй, третьей и так далее надстроек. Однако очень быстро осознал, что являюсь тупым болваном.

Ведь всё очевидно.

Осторожно, стараясь не привлечь внимания, протянул руку к груди, забрался в вырез рубахи, нащупал амулет, вытащил, поднёс к лицу, стараясь не вынырнуть в обычное состояние. То есть, посмотрел на него внутренним зрением и попытался упорядочить тот хаос, который оно мне показало. Пошёл по уже проторенному пути, сводя картинку к голому функционалу компьютерной программы.

Опыт – великая вещь. И пяти минут не прошло, как я выстроил всю информацию в сухую иконку, в которой не было ничего лишнего.

Чёрный коготь на шнурке. Амулет. Вместилище ци, впитавшее в себя частицу великой мощи клана Кроу.

Действующие эффекты:

Неизвестный заклинатель

Условная ступень просветления +2

Выносливость +9 (осталось 56 дней)

Ловкость +6 (осталось 56 дней)

Сила +3 (осталось 56 дней)

Просветлённая Трейя из клана Кроу

Невидимость (осталось 44 дня)

Побывав в мощном потоке первородной силы, вы сроднились с этим предметом

Не сказать, что я всё понял до последней строки. Вопросов столько, что их не сосчитать. То, что амулет, пока его носишь, даёт прибавку к атрибутам, я знал. Собственно, считалось, что именно он позволил дотянуть Гедару до тринадцати лет там, где другие пустые умирали, едва выбравшись из утробы матери, или промучавшись несколько дней.

Но дело в том, что Гедару это тело принадлежало лишь в первый год, а двенадцать последующих его занимал другой хозяин. И все эти годы я не мух на потолке считал, а изучал мир, в который попал не по своей воле. Что-то понимал, что-то не очень, что-то не понимал вообще, но запоминал на будущее, когда возросший багаж знаний позволит разобраться с непонятностями.

Мой амулет всегда добавлял шесть очков атрибутов. Причём атрибутов неполноценных. Три Выносливости, две Ловкости и единичка Силы выводили меня на уровень полной омеги с первой ступенью. Но если дети, добравшиеся до этой стадии, вели себя как нормальные дети, то есть бегали, прыгали, проказничали и прочее, я едва ноги переставлял. Большую часть времени лежал, или сидел в низком кресле. Прогулка в двадцать шагов для меня почти рекордное достижение, занимавшее не менее минуты. К тому же меня приходилось подстраховывать, потому как даже падение на ровном месте способно травмировать до смерти.

Такая вот я хлипкая особа с бракованными параметрами. Да и не мои, а принадлежат перезаряжаемому амулету, к которому я не успевал приспособиться за непродолжительные периоды его активности.

Теперь атрибутов не шесть, а восемнадцать. Даже если они такие же неполноценные, это даёт мне втрое больше возможностей. Что это означает, пока непонятно. Я не ощущаю в себе великого прилива сил, а ощущаю лишь боль в каждой косточке, мышце и суставе.

И если вдуматься, это состояние мне знакомо. Такое бывало не раз. Далеко не в столь острой форме, но да, сталкивался регулярно.

Это случалось, когда Камай задерживался на день-два в своих отлучках. Причины промедления случались разные, но с одинаковым результатом, – я испытывал негативные ощущения, когда вновь получал силу амулета.

Тут ведь всё просто. Камай именно ради него и катался. Он оставлял меня лежать пластом, после того как снимал амулет. Дальше воин с максимальной скоростью направлялся на юг, к ближайшему мастеру зачаровывания, оказывающему услугу подзарядки. Увы, но коготь не относится к легендарным артефактам, потому прибавка атрибутов не вечная. Волшебные предметы, способные проработать хотя бы год, стоят столько, что даже серьёзный клан не всегда может позволить себе такие траты. А уж нищие Кроу, от которых практически ничего не осталось, о таких и думать не смеют.

Даже мой амулет далеко превосходит их финансовые возможности. Никто не знает, чего стоило моей матери сохранить такую сильную вещь. Она выжимала из жалкой кучки шудр всё возможное и продавала последние крохи кланового имущества. Отказывала себе во всём, всё дальше и дальше вгоняя себя в нищету.

Камай заряжал коготь почти на месяц. На большее амулет не способен.

Но если верить статусу зачаровывания, оно спадёт через пятьдесят шесть дней. То есть, грубо говоря, продержит эффект в два раза дольше положенного.

Как это понимать? Да так же, как и грандиозную прибавку к параметрам. Проще всего в этом обвинить силу, вырвавшуюся из абулая. Это была сила Кроу, в моём теле течёт их кровь, а на груди висит амулет, который клановая ци почему-то тоже сочла моим.

Высвободившаяся мощь каким-то образом изменила и коготь, и меня. Во мне открылся источник ци, и стал работать внутренний взор, а чёрный коготь заработал эффективнее.

Вот за последнее мне и приходится расплачиваться болью. Немошное тело даже после кратких отлучек Камая испытывало неудобство под давлением появившихся атрибутов. Это всё равно, что за одну минуту натренироваться так, как атлет за месяц тренируется. Ощущения такие, что врагу не пожелаешь.

А сейчас атрибутов стало втрое больше. Это значит, что в три раза увеличилась нагрузка. Это уже не месяц тренировок за минуту, тут уже годом попахивает. Ведь цифры в параметрах – это не просто цифры. Это их привязка к состоянию владельца. То есть, они стараются подтягивать мои видимые всем физические данные на соответствующий уровень. Делают это торопливо и безжалостно.

Откуда взялась условная ступень просветления? Раньше её не было. Да ещё и не одна, а две. Ладно, будем считать, что оттуда же.

Ибо других версий нет.

Но что за невидимость? Да ещё и на сорок четыре дня? И в этом каким-то образом замешана Трейя, а не заклинатель, обозначенный как "неизвестный".

Несмотря на всю необычность ситуации и боль, мешающую размышлять и действовать, я догадался вытянуть ещё один предмет, висевший на шее.

Мешочек из хирсского шёлка, украшенный зачарованным гербом клана Кроу. Крохотное вместилище ци, впитавшее в себя частичку мощи клана Кроу. Мешает посторонним замечать предметы, хранимые внутри. Мешает посторонним себя обнаружить.

Просветлённая Трейя из клана Кроу

Невидимость (осталось 26 дней)

Вы сроднились с этим предметом

Мешочек тоже непростой. Не до такой степени, как чёрный коготь, но без сюрпризов тоже не обошлось.

И один из них предсказуемо-ожидаемый: невидимость, связанная с именем моей матери. То есть, с матерью этот выродка, чьё тело я занял, сам того не желая.

Она, перед тем, как умереть, отчаянно хваталась и за мешочек, и за талисман. Не просто так, а нанося на них этот эффект. Вероятно, Трейя умела зачаровывать вещи, но не так сильно и не с теми эффектами, как ей хотелось бы. Потому и приходилось пользоваться услугами постороннего специалиста, на что уходила значительная часть бюджета семьи.

Но что за невидимость такая? Я ведь прекрасно вижу и амулет, и мешочек.

Догадавшись полезть за кошельком, не обнаружил его на месте. Во всех прочих местах его тоже не было. То есть, он или потерялся, или...

Кошелёк мать не трогала. То есть, на нём вряд ли появилось упоминание о невидимости. Если предположить, что невидимыми предметы стали для всех, кроме меня, напрашивается разумный вывод.

Скорее всего, кошелёк у меня кто-то забрал. Я ведь неизвестно сколько времени пребывал в бессознательном состоянии. За это время могли обыскать и отобрать всё ценное.

А вот чёрный клык и мешочек с весьма ценным содержимым остались.

Похоже, невидимость работает. Возможно, воры даже нащупать зачарованные предметы не смогли.

И пора, пожалуй, начинать разбираться, куда же я угодил.

* * *

Удивительно, но поднялся почти без труда. Да, тело болело так, будто его пару раз через мясорубку прокрутили, и физические усилия значительно усугубили негативные ощущения.

Однако руки и ноги слушались, и силы в них хватило самостоятельно сделать то, для чего мне, как правило, требовалась помощь.

Приняв сидячее положение, я с интересом осмотрелся. Глаза слегка слезились, смазывая картинку. Видимо это из-за того, что слишком долго вглядывался в себя, а они к этому не привыкли. Однако неудобство невеликое, оно не помешало рассмотреть обстановку.

Как и предполагалось, я находился в повозке. Стандартная крестьянская подвода – грубое дощатое корыто на двух скрипучих колёсных парах. Движителем является единственная лошадь тягловой породы, а управляет ею возница – тощий невысокий мужичонка средних лет в простецкой домотканой одежке. На ногах лапти из лыка и пеньки – самая дешёвая обувь, выдававшая беднейшего крестьянина.

Рядом с возницей сидел ещё один мужчина. Этот помоложе, повыше и покрепче. Голова прикрыта примитивным шлемом из пожелтевших костяных пластин, на манер рыбьей чешуи нашитых на кожаную основу. Позади закреплёно причудливое подобие косы из конского волоса, свисающее почти до копчика. Эта простенькая штукавина весьма эффективно может защищать от рубящих ударов, если подставить противнику спину. Против врага, способного рассечь тебя по талии начисто, – не спасёт, но от всех прочих, – пригодится. Стёганая куртка выглядит несолидно, но тоже может выручить в драке с не самым серьёзным противником. Сапоги короткие, больше на ботинки смахивают, боевыми не выглядят. Но, судя по облачению и топору на поясе, это именно воин. Не из армии приличного феодала, скорее – купеческая охрана, или мелкий наёмник, продающийся не в одиночку, а с целой ватагой таких же мало на что пригодных бойцов.

Справа разглядел древко копья. Обычная охотничья рогатина, даже перекладина имеется. Металл стоит дорого, потому кузнец сэкономил на наконечнике, совсем уж куцым получился. Слева, уже со стороны возницы, из соломы выглядывает рукоять небрежно выструганной дубины.

Телега двигалась по разбитой узкой грунтовке в составе колонны похожих подвод. Спереди и сзади я насчитал одиннадцать, наша – двенадцатая. Почти на всех такие же парочки: возница и скверно экипированный воин.

В голове ехал одинокий всадник. Вот этот выглядел серьёзным бойцом. Полный доспех из кожи и металла, вверх вздымается длинная пика с наконечником, на котором кузнец экономить не стал. Из плоской сумки, притороченной слева от седла, выглядывает лук из кости и дерева, и там же белеют оперения пучка стрел, торчащих из открытого колчана. Другого оружия с моей позиции не разглядеть, но нет сомнений, что оно имеется. Топор, боевой молот, палица или даже меч, – что-то такое обязано быть.

В задней части колонны между повозками плелись люди. Дети всех возрастов, женщины, старики. Всего около трёх десятков человек, среди которых разглядел лишь пару мужчин относительно молодого возраста. На вид – типичные крестьяне. Места в телегах для них не нашлось, ведь те сильно перегружены мешками, ящиками и бочками. Но скорость небольшая, пешеходы вполне успевают, не ускоряя шаг.

Дорога выглядела так, будто пользовались ею нечасто. В глубоких колеях местами стояли лужи, успевшие затянуться ряской. Из-под колёс там часто выпрыгивали мелкие лягушки. Посредине почти сплошной полосой вымахала трава, которую давненько не топтали лошадиные копыта. С обеих сторон подступали кусты, притираясь к бортам повозок.

А дальше, за непролазными зарослями, вздымались высокие деревья. Что-то вроде дубов: массивные стволы с раскидистыми кронами. Листва крупная, незнакомая. Напоминает каштановую, но это явно не они.

Лес, да ещё столь дремучий – это нехорошо. В окрестностях усадьбы ничего подобного не было и быть не могло. Крестьяне без понуканий феодалов держали растительность в рамках, не позволяя возникать чащобам, в которых могло завестись что-то нехорошее.

Север – это не юг, здесь лес – это головная боль для тех, кому приходится обитать поблизости от него.

Нет, это явно не рощи, за которыми приглядывают шудры и свободные поселенцы. Это та самая чащоба, которую следует опасаться.

Куда же меня занесло? И кто все эти люди?

Возница, оглянувшись, сплюнул смоляную жвачку, едва не угодив тёмным комком мне в лоб. Усмехнувшись, продемонстрировал рот, в котором не хватало зубов, и гнусавым голосом произнёс:

– Ну и горазд же ты валяться, малец.

– И долго валялся? – я счёл важным это уточнить.

– Вчера тебя нашли, недалече от обочины. Утром это было. Получается, больше дня прошло. Всё валялся и валялся, да сопли пускал. Чего это с тобой стряслось такое? Болезный?

– Да так... головой стукнулся. А где мы?

– В заднице мы, разве не видишь, – совсем уж радостно заявил возница, а воин при этом, не оборачиваясь, хохотнул.

– Это что, левый берег Красноводки? – уточнил я, прикинув, что за день до столь серьёзного леса можно добраться, только если переправиться через реку.

– Пока что правый, но будет тебе и левый, если так сильно хочется, – буркнул воин, впервые решив высказаться.

Получается, местную географию я представляю хуже, чем думал. Ну, если это правобережье, можно слегка расслабиться. Пусть здесь, у воды, встречаются серьёзные лесные массивы, обстановка в них куда спокойнее, чем на другой стороне.

Поразмыслив над всем, что услышал, осторожно осведомился о важном моменте:

– У меня был кошелек с монетами. Где он?

– А тебе зачем такое знать? – насмешливо спросил возница. – Хочешь пешком идти, или в телеге ехать?

– Я сейчас идти не смогу.

– Вот и помалкивай. Не переживай за своим монеты, у добрых людей они.

– Что за добрые люди? – не унимался я.

– Видишь меня и Рисера? – спросил возница, указывая локтем на воина.

– Вижу.

– Вот мы с ним и есть добрые люди. А будешь много болтать, станем злыми.

На этих словах воин с громким звуком испортил воздух, после чего оба захохотали так, будто ничего смешнее в их жизни никогда не случилось.

Возможно, так оно и есть. Бывалыми людьми они не выглядят. Однако я так и не понял, кто они и куда отправляются. Значит, тему с кошельком придётся пока что замять.

Информация для меня сейчас куда важнее денег.

Глава 8

Переправа

Ступени просветления: неизвестно

Атрибуты: нет

Навыки: нет

Состояния: нет

Несмотря на то и дело изрекаемые угрозы заставить идти меня пешком, или даже отдать на растерзание гоблинам, ни Рисер, ни возница, которого звали Крол, не оставляли моё любопытство без пищи. Главное, не нарываться с неприятными вопросами и не сильно напрягать расспросами. Им обоим ехать скучно, ведь ничего не случается. Лошадь, фактическим сама идёт, можно не управлять, пока колонна на марше, так почему бы и не сказать словечко-другое хилому мальчишке.

И правда добрые люди.

Не прошло и часа, как я узнал многое, но не сказать, что понял всё. Оба моих собеседника – вольные люди. То есть, не вассалы клана и не шудры. Они принадлежали к так называемому свободному народу севера. Исконного населения в этих краях почти не было, все пришлые. Бунтари, бежавшие от своих феодалов, слуги, потерявшие господ в междоусобице, беглые преступники и прочий сомнительный люд. Оседая на правобережье Красноводки, они из поколения в поколение остепенялись, но от вольнолюбивого духа не избавились. Потому попытки аристократов укрепиться на этих территориях, как правило, заканчивались безуспешно. Плюс император их экспансию в этом направлении одобрял. Возможно, его устраивало то, что с этой стороны государство прикрывают не вечно грызущиеся благородные, а те, в ком нет голубой крови, но зато они живут дружно и так же дружно держат рубежи.

Жили, конечно, бедновато. Чересчур скудная земля. Подозреваю, что именно это – главная причина того, что аристократы до сих пор не наложили лапу на все правобережье Красноводки. Простому люду прокормиться здесь трудно, вот и выкручивались разнообразными приработками.

Рисера, Крола и прочих наняла мелкая купеческая гильдия. Хотя в том, что он мелкая, я не уверен, потому как судил исключительно по тому, что впервые о ней услышал. Называлась она "Три топора" и уж такое я бы ни за что не забыл, потому как напоминало о студенческой молодости. Мне с друзьями неоднократно приходилось употреблять портвейн "777", который задолго до нас какой-то выдумщик-весельчак окрестил таким же словосочетанием.

Наёмники, правда, лишь раз произнесли оба слова. Между собой они выражались куда проще – Тройка. Эта гильдия держала факторию на левобережье Красноводки. Опасные места, но сулящие немалую прибыль тем, кто сумеет на них хорошо устроиться.

Похоже, купцы устроились неплохо. Фактория существовала уже не первый год и приносила прибыль. Об этом я догадался исходя из того, что её продолжают снабжать. Будь предприятие убыточным, давно бы паутиной поросло, как случилось с большинством начинаний тех, кто совались в Лихолесье с целью получения выгоды.

Те же подданные моей матушки промышляли этим изредка и короткими наскоками. Да и то регулярно огребали. Дошло до того, что Камай при мне высказывал Трейе о невозможности продолжать такие занятия.

Подвода, по моим прикидкам, вмещала приблизительно семьсот килограмм груза. Ширококостная крестьянская лошадь тащила её даже по самой некачественной дороге, а других в Лихолесье и на подступах к нему просто быть не может. В обозе двенадцать повозок,

в сумме получается около девяти тонн. Пусть я и жил в этом мире на особом положении, но доводилось повидать всякое. Потому без труда определил, что в основном везут продовольствие – это около двух третей от всего объёма. Далее какие-то стеклянные или керамические изделия, инструменты, одежда, лекарства и, конечно же, – самые дешёвые специи. Краеугольный камень местной системы питания. Это не какие-нибудь банальные перец и гвоздика, это то, при помощи чего простая еда превращалась в ресурс, при помощи которых аборигены Рока развивали то, что можно наблюдать, всматриваясь в себя.

ПОРЯДОК, развивая свои структуры, вынужден при этом изменять и физические тела. И этот процесс мог происходить по-разному: или качественно, или нет. В первом случае можно было добиваться максимальных показателей прогресса. Но для этого необходимо регулярно потреблять разнообразные специи, что по карману лишь аристократам. Всем прочим оставались бюджетные варианты. Этого достаточно, чтобы заполнять атрибуты на приличные величины.

Итого – приблизительно шесть тонн продовольствия. С учётом того, что таких обозов в год высылаётся несколько, а часть потребностей фактория закрывает за счёт местных ресурсов, там должно насчитываться немало людей. Наверное, сотни две, может три или больше. И в основном – трудоспособные мужчины, вербующиеся минимум на год-два ради приличного заработка. Солидное предприятие. Это куда серьёзнее, чем всё хозяйство клана Кроу на закате его существования.

Впрочем, про закат древнего рода говорить рановато. При всех моих странностях и недостатках, формально – я один из Кроу. Если верить Трейе – последний представитель. Следовательно, клан всё ещё не вымер.

Вот только объявлять об этом во всеуслышание – всё равно, что орать в лисью нору, будучи кроликом. Убийцы пришли за нами не потому, что у них возник спонтанный порыв вырезать остатки рода. Нас заказал господин Рсай. Я понятия не имею, кто это такой, но он почему-то захотел извести Кроу под корень. Пока я жив, мне грозит опасность снова столкнуться с чёрной братией.

И Рсая, и Пенса и всю чёрную братию я занёс в чёрный список. Но, надо признать, что сами по себе они от этого деяния не пострадают. Следовательно, я рискую с ними повстречаться в любой момент. С предсказуемым результатом... А мне хочется жить. Не представляю, как я выкручусь из ситуации, при которой нормально существовать смогу меньше пары месяцев, но опускать руки не собираюсь.

Я по натуре боец. Драться надо до последнего. Значит, буду наблюдать и анализировать. Что-нибудь, да придумаю.

Надеюсь.

Пока что главный вопрос по происходящему очевиден: зачем эти люди меня подобрали, а теперь везут с собой? Я строю на этот счёт разнообразные предположения, и пока что ни одного вдохновляющего среди них нет.

Может они и называют себя добрыми, но, судя по тому, как обращаются с шагающими пешком обозными, добротой здесь и не пахнет. Да и деньги мои нагло увели с таким видом, будто так и надо.

Похоже, я вляпался во что-то нехорошее.

Впрочем, раз своими ногами идти не в состоянии, выбора у меня нет. Куда надо, туда и везут.

И что хотят, то и сделают...

* * *

До сих пор о Красноводке мне лишь слышать доводилось. Видеть её никак не мог, никто бы и близко меня к ней не подвёз. А самому идти к такой реке – дурная затея. Да и чересчур долгая для того, кто через десяток шагов может свалиться от приступа телесной немощи.

Ничего хорошего про неё не рассказывали. Она – естественный рубеж между относительно освоенным севером, и севером диковатым, или даже абсолютно диким. Чем дальше за неё забираешься, тем, как правило, мрачнее обстановка. А где-то там, в Подгорье, до которого не всякий воин двадцать первого круга сможет дойти, начинаются совсем уж нехорошие места. Своего рода – преддверие ада, где даже ПОРЯДОК – нечастый гость, потому как это – территория Хаоса.

Да, за ними не ад, а прорывы, через которые в Рок приходят хаоситы. Так я мысленно называю те силы, в мирах у которых свои системы порядка, в чём-то схожие с местными, а в чём-то отличные.

До прихода Хаоса магии в Роке не было. Точнее, она была, но не было инструментов для работы с ней.

Они принесли.

И, увы, принесли не только магию, а и куда более неприятные новшества. С тех пор края, слишком близко оказавшиеся к местам прорывов, остаются заброшенными и крайне негостеприимными.

Ну нам-то ехать не столь далеко. Факторию не станут основывать там, где она и года не протянет. Судя по словам Рисера и Крола, до неё осталось два дня пути. Если предположить, что обоз дальше будет следовать строго на север с той же неспешностью, это менее сотни километров. Скорее даже пятидесяти не наберётся. Но тут я не уверен, потому как точной математики у меня нет.

Красноводка при первом знакомстве сильно разочаровала. Зловещий рубеж выглядел, как обычная равнинная река. В ширину около пары сотен метров, вода мутная, течение неспешное. Берега поросли камышом; его стены окружают заросшие ряской заводи; на мели лежат принесённые сверху коряги, украшенные засохшими водорослями; меж ними задумчиво вышагивают белоснежные цапли.

Противоположный берег – это уже то самое Лихолесье, которым детей пугают. Да и взрослых тоже. Однако ничего страшного там не вижу. Пологий песчаный склон, по верху которого тянутся заросли кустарников и невысоких лиственных деревьев. За ним возвышаются высокие сосны, растущие не слишком густо. То есть, лес там светлый, а не мрачный. И сырости, которая царит по эту сторону реки, не должно быть. Местность ведь явно повыше, а не плоская болотина, как здесь.

Но приготовления обозных показывали, что к переправе они относятся серьёзно. Даже крестьян, согнанных на факторию за долги и прочие мелкие прегрешения, вооружили сучковатыми дубинами, специально для этого перевозимыми в последней телеге. И предупредили, что дальше их нельзя будет выпускать из рук.

Сомнительные вояки получатся из простых женщин, подростков и стариков. Да ещё с таким неказистым оружием. Но всё же лучше, чем без ничего.

Мне дубину не выделили. Не посчитали нужным вооружать подростка, который едва на ногах держится. Меня сейчас хватало на то, чтобы сделать десяток-другой неуверенных шагов, после чего приходилось за что-нибудь хвататься, переживая приступ головокружения. Если продолжать передвигаться дальше, они накатывали всё чаще и чаще.

Это меня напрягало. Ведь если снова в беду попаду, даже убежать не получится. Тот прилив сил, который накрыл меня вместе с волной ци, остался в прошлом. Тело жестоко страдает от боли, приспособиваясь к изменившимся атрибутам амулета. Далеко мне при таких делах не уйти, и я не представляю, как долго буду пребывать в столь плачевном состоянии.

Вроде как, быстро на поправку иду, но вроде и нет. Не понять...

Моста, конечно же, не было. Здешние края не настолько цивилизованные, чтобы реализовывать серьёзные инженерные проекты. Грунтовка выходила к песчаному броду, из-за чего колёса тяжело гружёных повозок начали вязнуть. Мне пришлось спешиться и с трудом шагать за телегой, пока другие её выталкивали.

Не удержавшись, спросил:

– А подводы разве не утонут? Там ведь и на дне, похоже, такой же песок.

– Дурной ты, – лениво отозвался Крол. – Вязнут в сухом песке, а по мокрому и ходить в радость, и ездить.

И правда дурной. Давненько песок не видел, вот и забыл о такой особенности.

Да уж, совсем отвык от реальной жизни. Двенадцать лет ничего не видел, кроме усадьбы. Надо срочно восстанавливать утраченные навыки и знания. Времени в моём распоряжении немного, а задача поставлена сложная. Недотёпе с ней не справиться.

Телеги по мелководью и правда пошли лучше, чем по лишённому травы пляжу. Но меня это не обрадовало, потому как шагал я и так еле-еле, а тут и вовсе почти повис, хватаясь за борт повозки слабыми руками. Того и гляди, не доберусь до другого берега, свалюсь в воду. И хорошо, если вытащат, а не махнут рукой, бросив ничемного доходягу на произвол судьбы.

Не знаю, что задумали эти люди, но они сейчас – моя единственная поддержка. В одиночку я ни на что не способен. Значит, придётся выдавить из себя всю силу, до капли, дабы не остаться в одиночестве.

Я был всецело поглощён тем, что старался не упасть. И потому начало события пропустил. Даже не сразу понял, что происходит нечто нехорошее. За спиной закричали так, будто кого-то режут тупым ножом. А я как цеплялся за телегу, там и продолжал цепляться.

– Ходу! – заорал Рисер чуть ли не мне в лицо.

Понятно, что кричал воин не мне, а Кролу, но подействовало именно на меня. Только по его нервному взгляду я понял, что где-то позади происходит что-то плохое. А затем и уши донесли усиливающиеся крики боли и ярости. Ну и не обошлось без отборной ругани возниц, торопливо нахлёстывающих лошадей.

Вода начала уходить. Если до этого я иногда чуть ли не по шею в ней пробирался, то теперь и до пояса не доставала. Ещё десяток шагов, и вот она едва ступни омывает.

Послышался хищный свист, напомнивший о тренировках Камая с луком. Рисер издал неопишуемый звук, что-то среднее, между рёвом и болезненным выкриком. Слепо шаря руками, он шагнул за телегу, неловко заваливаясь на колени.

Увидев его лицо, я опешил. Из глаза наёмника выглядывало тонкое древко. Стрела с серым оперением вошла ему чуть выше запястья, пробив предплечье насквозь, выбралась возле локтя, и наполовину ослепив, остановилась. Рука у покалеченного оказалась скреплена с головой. Выглядело это дико и страшно.

Насколько я понимаю в медицине, после такого ранения можно выжить. Однако речь идёт о земной медицине с современными лекарствами и хорошими хирургами. С местной я знаком может и хорошо, но слишком однобоко. И вообще, сейчас не до врачебной помощи, сейчас происходит именно то, из-за чего с обозом едут наёмники.

На нас напали. И меня могут подстрелить люди, которых я даже не вижу. Или нелюди.

Слишком уж банальная смерть для столь невероятной биографии. Да и жить очень хочется. Потому торопливо присев рядом со стонущим Рисером, я втиснулся под остановившуюся телегу, затылком упёршись в колёсную ось. При этом хорошо разглядел то, что происходит в хвосте колонны.

Там тоже всё было непросто. Не знаю, долетали туда стрелы, или нет, зато видел, что у тамошних обозников свои проблемы. Вода местами кипела, из неё то и дело показывалось что-то непонятное. Вроде рыбные хвосты, а вроде и нет. Разве бывают рыбы с бронированной спиной, оснащённой парой узких чёрных плавников? Или как вообще называть то, что я там

вижу? Эти неведомые создания с разных сторон атаковали людей, оставшихся в самой глубокой части брода.

Оступилась мать с маленьким ребёнком на руках. Зарылась в реку с головой, но тут же вскочила, истошно визжа. Теперь её руки пусты, младенец остался где-то в воде.

Подскочивший старик начал лупить дубиной по этому месту. Я не верил, что он пытается добить несчастного ребёнка, дело явно в другом. Вот из воды на миг взметнулось что-то тёмное.

И снова крик. Надрывный крик немолодого человека. Старик размахивает окровавленной рукой, дубины в ней больше нет.

Я опасно покосился вниз. Воды здесь всего ничего, и десяти сантиметров глубины не наберётся. Но сидеть в ней страшновато.

Где-то в голове колонны послышались яростные вопли и звон металла. Похоже, там сцепились врукопашную. Мне трудно смириться с мыслью, что кто-то устроил бой на топорах с рыбами. Да и стрельба из лука – это тоже как-то слишком для речных обитателей. Там явно другой противник.

Извернувшись, бросил туда взгляд. Но обзор из-под телеги скверный, сумел разглядеть лишь нижнюю половину всадника, да на миг мелькнул окровавленный наконечник его пики, когда та падала на урезе воды.

А затем по песку покатило что-то круглое. Мои глаза, не привычные к таким зрелищам, не сразу опознали, что это отрубленная человеческая голова. И принадлежала она не единственному нашему конному воину, потому как тот не рыжий, да и шлем никогда не снимал.

– На берег! Бегом на берег! Все телеги на берег! – на разные голоса начали выкрикивать одно и то же.

Стрелы больше не свистят, а схватка продолжается только в хвосте колонны. Но там работают явно не люди, а что-то вроде гигантских панцирных щук. Метра полтора-два в этих рыбах. А может и не в рыбах, ведь детали я рассмотреть так и не сумел.

Моя телега стронулась с места. Я, до последнего просидел, опираясь о колёсную ось и потому едва не завалился. Извернувшись, поспешил за повозкой – единственным укрытием от обстрела. И даже сумел удивиться тому, что действую удивительно проворно для человека, который пару минут назад едва ноги переставлял.

Да уж – стресс животворящий.

Покосился на труп, лежащий на урезе воды. Возница с телеги, которая ехала перед нашей. Стрела попала ему точно в глаз, но, в отличие от случая с Рисером, вошла под прямым углом, насквозь пронзив мозг. После такого выжить невозможно.

То, что среди нападавших есть один или более столь метких стрелков, заставило меня ещё сильнее пригнуться, не оставляя лучникам ни шанса. Да они меня даже не увидят за телегой.

Главное от неё не отстать, главное не отстать... Прилив сил, так внезапно нахлынувший, может так же быстро меня покинуть. И тогда я останусь без защиты.

Мне, с моей нулевой степенью просветления, любая царапина грозит нешуточными проблемами. Значит, так и буду оставаться деталью телеги, куда всё не успокоится.

Обернулся назад, бросив быстрый взгляд. Все телеги, кроме одной, почему-то перекошенной и глубоко зарывшейся в воду, торопливо направлялись к берегу. Люди, выталкивая повозки, непрерывно колотили дубинами, топорами и копьями, но непохоже, что по кому-то попадали. И бронированные темные тела перестали показываться на поверхности рядом с колонной. Чуть ниже по течению бурлили два котла, из которых то и дело вздымались хвосты. Похоже на то, что там, на дне, есть что-то, что привлекает неведомых тварей куда больше, чем удаляющийся обоз.

Приглядевшись, разглядел, что вода в тех местах стала мутной. Да и цвет, вроде бы, слегка поменяла.

Так вот она какая – Красноводка...

Глава 9

Сюрпризы медицины

Ступени просветления: неизвестно

Атрибуты: нет

Навыки: нет

Состояния: нет

Обоз дёшево отделался. Я-то был уверен, что мы болтаемся на волоске, что вот-вот, и всем достанется по стреле в глаз, после чего скормят хищным рыбам. Но всё оказалось не настолько страшно.

Нападающие каким-то образом приманили к броду матёрых кайт – тех самых крупных рыбин, о которых я раньше только слышал. И надо сказать, хорошее говорили только про их вкусовые качества. В остальном эти создания крайне неприятные. Даже мелкая гадина, пойманная на крючок, требует осторожного обращения. Иначе извернётся и цапнет зубастой пастью, с лёгкостью сорвав с пальца мясо до самой кости. Кайта покрупнее справится и с костью. Матёрая и руку способна отхватить, если нарвёшься на такое создание. Но это надо быть совсем уж безнадёжным неудачником.

Да-да, в Красноводке монстры, вымахивающие до двух и даже более метров в длину, встречались нечасто. Об этом мне не раз доводилось слышать от людей, чьим словам можно доверять. И, вроде как, держались такие бестии в самых глубоких омутах, нечасто оттуда выбираясь. То, что целая стая оказалась на мелководье – ненормально. А то, что это именно стая – ненормально вдвойне, потому как кайты – одиночки. Даже парочка таких рыбин, действующая сообща, – редкое явление.

Кто-то каким-то образом собрал у брода десятка полтора этих бронированных подобий акул, и направил на обоз в нужный момент. Люди на передних телегах под раздачу не попали, но, разумеется, обернулись, дабы посмотреть на источник шума. В этот момент последовало нападение: несколько бандитов выскочили из зарослей, вступив в рукопашную с возничим и воином из первой телеги. Ещё один на открытое место не вышел. Он занял позицию на склоне, откуда выпускал стрелы с дивной меткостью. Убил двоих, поразив каждого точно в глаз, и ранил Рисера таким же образом, пока его сообщники добивали своих противников.

Неизвестно, чем бы всё обернулось, не будь с нами Атами – конного бойца. Меткий лучник не смог его поразить, хотя пытался не раз. А сам всадник убил двоих и ещё нескольких загнал в заросли, откуда они показываться больше не стали, быстро удалившись вместе со стрелком.

Обозники, вытащив на берег одиннадцать телег, принялись подсчитывать потери и зализывать раны.

Двоих убил лучник, ещё двое пали от топоров, дубин и копий. Кайты разорвали двоих маленьких детей и одного грудного младенца, оттащив их в сторонку, и покалечили несколько взрослых. Сильно пострадавшая женщина истекла кровью, почти добравшись до берега. Старик, которого ни разу не укусили, пережил её ненадолго. Уже на суше схватился за грудь, присел, да так и завалился на бок. Похоже – не выдержало сердце.

Раны от зубов кайтов выглядели скверно. Эти твари и правда походили на акул, потому что выдирали здоровенные куски плоти. Чтобы унять кровотечения, в ход было пущено неимоверное количество разнообразного тряпья, которое не всегда подходило для таких целей. Увы, но бинты в этом мире или неизвестны, или здесь их применяют нечасто.

Я, как немощный слабак, участия в этой суете не принимал. Так и сидел за телегой, стараясь лишний раз из-за неё не высовываться. Хоть наверху выставили пост, доверия к зарослям у меня нет. До сих пор в ушах стоит шум от стрел, которыми лучник, засевавший в кустах, вышибал людям глаза до тех пор, пока им не занялся Атами.

Обернувшись на близкий стон, я увидел Рисера, неловко присаживающегося рядом. Он держался за угол телеги, медленно сгибая ноги. Каждое движение давалось раненому нелегко, ведь чертовски трудно держать на весу пронзённую руку, не меняя её положение относительно тела. Чуть сдвинул, и это отзывается и в предплечье, и в глазнице.

Крол дождался, когда воин сядет, после чего неуверенно заявил:

– Я сейчас дерну, и стрела выйдет из головы. А потом уже перепилю древко и из руки вытащу. Ты это... ты держись...

– Дай хоть браги хлебнуть, живодёр! – простонал воин.

– Так ты же уже хлебнул, – растерянно пробормотал Крол. – Нету у меня больше браги, последняя оставалась.

– Мы вино везём, могли бы и открыть бочонок для такого дела, – вновь простонал Рисер и решительно заявил: – Давай! Вытаскивай!

– Стой! – чуть не закричал я, хотя секунду назад даже не думал открывать рот.

Крол, уже было ухватившись за хвост стрелы, повернул голову и злобно рявкнул:

– Чего тебе?!

Я поднял руку, показав обломок стрелы, найденный на песке. Видимо одна из тех, которые лучник без толку выпускал в Атами.

Тщательно подбирая слова, я пояснил:

– Видишь наконечник? Он не приклеен, он просто на древко посажен. И сидит на дереве некрепко. Стрела почти пробила висок. Вон, шишка на нём вылезла, подпирает здесь изнутри. Значит, она хорошо засела, среди костей. Если ты потащишь её назад, наконечник останется в голове. А это смерть.

– Мальчишка дело говорит, – обречёно протянул Рисер. – С железкой в голове я не жилец.

– В фактории целитель есть, он всё сделает, – неуверенно протянул Крол.

– Это зачарованная стрела. Она что-то со мной делает. Я это чувствую. Это гибельная магия, она жизнь из меня сосёт.

– Но целитель... – начал повторять возникший.

– Да заткнись ты! – взорвался Рисер, тут же простонав из-за вспышки боли, последовавшей за резким напряжением речевого аппарата. – Сказал же, она из меня жизнь высасывает. Так и будет сосать, если наконечник во мне останется. Даже если не помру до фактории, что с того? У них там вообще нет целителя, потому и лечатся зельями. А зелья стоял дорого. За них столько содрать могут, сколько я за год не вижу. Это ведь железо магическое в голове, это тебе не ржавый гвоздь в зад. А мне ведь деваться мне некуда. Домой, к родному целителю, я попаду нескоро. Или умирать, или в кабалу...

– Да что же тогда делать-то... – совсем уж растерялся Крол.

– Надо вытащить наконечник с другой стороны, – подсказал я.

– Как это с другой?

– А так. Стрела прошла наискосок, из глаза в висок. Мозг, наверное, не задет, вот потому Рисер и живой. Кость на виске пробита, ведь хорошо видно, где торчит наконечник. Надо надавить на стрелу, чтобы она высунулась из виска. Потом снять или отпилить наконечник и вытащить её, как ты хотел вначале.

– Тащить через голову?! – охнул Крол. – Да ты в своём ли уме?

Мысленно чертыхаясь на глупого обозника, терпеливо пояснил ещё раз:

– Голова у него уже пробита. Надо просто доделать это до конца. Новая дырка в виске куда лучше, чем наконечник, оставшийся в черепе. Но уговаривать я не стану. Это ваши дела, я просто совет дал.

– Ишь ты, рассоветовался! Стручок отрасти, а потом умничай!

– Да у меня он от рождения больше твоего.

– Что ты сказал?! – прошипел Крол. Да я тебя!..

– Заткнись! – нервно рявкнул Рисер. – Вы ещё меряться начните! Дураки! Оба!

– Ну так он... – продолжил возникший.

– Я сказал заткнись! – и, обратив на меня уцелевший глаз, Рисер решительно заявил: – Давай малец!

– Что давать?

– Делай, как сказал. Сам делай. Вытащи наконечник. Крол не сможет, у Крола руки сильно дрожат. У тебя не дрожат, вот ты и делай.

– Я не целитель.

– И что с того? Давай.

– У меня сейчас тоже руки задрожат.

– С чего бы это? Не дрожат ведь, значит и не станут дрожать.

– Да они у меня всё время дрожат, когда вспоминаю про кошелёк. "Потерянный", ага...

– Если не вытащишь наконечник, я тебе глаз вытащу. Вот этой рукой вытащу. Станешь таким же, как я. Давай уже, делай, я долго терпеть не умею!

Воин и правда на пределе, по всему видно. А такому бугаю и правда достаточно одной руки, чтобы сделать меня инвалидом.

Пришлось подчиниться.

В хирургии я разбирался слабо. Единственная операция, при которой присутствовал, не сказать, что дала мне много практики. В тот раз вырезали сердце, причём – моё. Полученные при этом познания к сегодняшнему случаю не подходили.

Одно хорошо, я действительно не боялся крови. Руки не дрожали. Но и толку от них, увы, немного. Они чересчур слабые, а проклятый наконечник категорически отказывался проходить через кость. Мои усилия заставляли Рисера стонать и скрежетать зубами, ни к чему хорошему не приводили.

Поняв, что так дело не пойдёт, я чуть переместился и навалился на руку воина всем телом, а руками только цеплялся. Тот начал орать, будто его режут заживо (что было близко к истине). Однако дело стронулось с мёртвой точки: висок начал раздуваться, кожу на нём прорвало, заструилась кровь.

Продолжая давить, дождался, когда наконечник, хрустнув напоследок костью, выбрался на всю длину. Проверил, крепко ли он сидит, после чего повернулся к Кролу:

– Железка не снимается. Крепко сидит, не могу стащить. Сам попробуй, или отпиливай.

Тот, глядя на происходящее безумными глазами, протянул мне нож, просипев:

– Хаос меня побери! Сам это пили.

Руки у обозника дрожали так, что я, забирая нож, едва не порезался. И с трудом удержал оружие. В этом ненормальном мире каждый предмет требует, чтобы владелец ему соответствовал. Для меня, выродка, лишь самые простые вещи доступны, да и то не на полную. Вот и этот клинок на неказистой деревянной рукояти считает, что моя ладонь оскверняет его своим прикосновением. Так и норовил вывернуться.

Хотя, прислушавшись к своим ощущениям, я понял, что дело в другом. Просто моя рука отвыкла от сложной моторики. Я ведь годами ничем не утруждался. Двигаю пальцами, будто младенец. Прибавки от амулета работают, но этого недостаточно.

Мне нужно полноценно освоиться с этим телом.

В общем, пилил я долго и со сложностями. Дважды довёл Рисера до потери сознания в процессе и ещё раз, когда вытащил, наконец, древко, лишившееся наконечника.

Обильно кровоточащее предплечье тоже пришлось перематывать мне. Крол начисто устранился из процесса, оставшись зрителем, который лишь охал да голову ладонями обхватывал, глядя на происходящее. И тампон к опустевшей глазнице прикладывать тоже пришлось мне.

Едва я это сделал, как случилось нечто, никогда до этого мною не испытанное. Мир на миг потускнел, и я погрузился в состояние, напоминающее то, в которое научился входить, изучая себя изнутри.

Перед взором промелькнули слова, выполненные тем же строгим шрифтом, который я применял, когда приводил в стройную систему всё то, что открылось мне сегодня.

*Возможно, вы спасли человеческую жизнь
Получен малый символ ци – 2 штуки
Получен личный знак навыка – "начинающий целитель"*

Постаравшись не выдать масштабы охватившего меня удивления, я оставил раненого на попечение Крола, а сам направился к реке, чтобы смыть с себя чужую кровь и обдумать произошедшее.

Меня сейчас столь грубо и неожиданно выбили из колеи, что я даже перестал бояться стрел, которые вновь могли обрушиться из зарослей. Это ведь пустые страхи, берег полностью под контролем.

Надо срочно в себе разобраться.

То, что я вижу буквенно-цифровую информацию – не фантастика. Просто привёл в удобную для меня строгую форму то, что здесь принято использовать в образных вариантах. Это такая же данность Рока, как для жителей Земли текст на мониторах компьютеров, подключённых к сети. Только аборигены в дополнительных устройствах для связи со своей всемирной паутиной не нуждаются. Те самые высшие силы, частица которых присутствует в каждом предмете и даже не обладающем плотью событии, ничего и никого не оставляют без внимания. Здесь это называется ПОРЯДОК. Да-да – максимально пафосно. Не просто с большой буквы полагается писать, а так, чтобы все буквы были большими и с заметными особенностями, допускаемыми только в этом слове. Увы, но подобрать земной аналог правописания данного термина я так и не смог.

Это то, на чём здесь всё держится. Именно ПОРЯДОК спасает все составляющие Рока от сползания в бездну абсолютного Хаоса. Мой мир как раз на полпути к тому, чтобы оказаться на дне этой бесконечной ямы, а этому повезло больше.

Только не спрашивайте, как может оказаться конец у того, что считается бесконечным. Для местных мастеров словесных кружев ответы на такие вопросы могут влиться в многодневные дискуссии, которые ничем определённым не закончатся.

Даже в мирах ПОРЯДКА всегда есть место Хаосу. Моя вторая жизнь – тому пример. Лишённый возможности взаимодействовать с настройками ПОРЯДКА, я, с точки зрения аборигенов, был жалок и смешон. Что-то вроде безобидного циркового уродца. Что только со мной не делала мать, а всё без толку. Только попусту перевела остатки семейных сбережений, загнав остатки клана в бездну, откуда не было выхода. Появление убийц на пороге усадьбы она, возможно, сочла за благо. Это позволило ей удалиться с честью, что для аристократки – прекрасный вариант.

Но при этом случилось ещё кое-что. Непредвиденное. Я, выродок никчемный, всё же сподобился приобщиться к ПОРЯДКУ. Причём, неведомые контролёры, учитывающие здесь всё и вся, каким-то образом определили, что я тяготею к детальному виду вывода информа-

ции, и позволили настроить интерфейс не информативными картинками, как это, вроде бы, происходит у туземцев, а в строгом буквенно-цифровом виде.

А сейчас случилось ещё кое-что. Высшие силы сочли, что столь серьёзная помощь раненому является значимым событием. А за это в Роке полагается вознаграждение.

Отвернувшись от обозников, я, оставив в воде одну руку, второй нашарил мешочек на груди. Ослабил шнуровку, раскрыл горловину, заглянул, всматриваясь в каждый предмет. И уже почти не удивился, когда мир снова померк, а перед глазами отобразилась информация по содержимому.

Малый символ ци – 17 штук

Средний символ ци – 4 штуки

Малая суть Выносливости – 2 штуки

Малая суть Ловкости – 1 штука

Малая суть Равновесия – 11 штук

Малая суть Рукопашного боя – 10 штук

Малая суть Железной кожи – 10 штук

Это – универсальная валюта Рока. Подороже всяких монет, за что и заслужило размещение в хитром мешочке. В хорошие времена он набивался полностью, но это было давно. Мать слишком много перевела на эксперименты, пытаясь сделать из меня полноценного человека. Но и этих остатков достаточно, чтобы прожить несколько месяцев при скромных запросах.

Вот только мне от этого богатства проку нет. Стоит только засветить такое сокровище, и его постигнет участь мешочка с монетами. Я тут же останусь ни с чем. И от неминуемой гибели меня будет отделять чуть меньше пары месяцев.

Как только разрядится амулет – мне конец. Потому что, несмотря на всё случившееся, я остаюсь всё тем же нежизнеспособным инвалидом.

И как это исправить – не представляю.

Пока что не представляю.

Глава 10

Смертник поневоле

Ступени просветления: неизвестно

Атрибуты: нет

Навыки: нет

Состояния: нет

В обозе было два главных лица: Кашик и Атами. Первый распоряжался всем, что не относилось к делу охраны, второй обеспечивал эту самую охрану. Кто из них главнее, даже не понять. Похоже, у них настолько чётко разделены обязанности, что друг другу на ноги они не наступают, потому старшинство не имеет значения.

Про Кашика чуть ли не в открытую во весь голос рассказывали, что он козёл редкой породы. В общем, не очень-то уважали. Но если он отдавал приказ, его приходилось выполнять.

Вот и я не смог найти не единой причины послать его подальше. Сказали явится на очи начальства, пришлось являться.

А идти очень не хотелось. С чего бы это я ему вдруг понадобился? Рок – мир строжайшей иерархии, где все, кто приподнялись над уровнем плинтуса, обязаны плевать на головы тех, кто барахтаются ниже. Кашику нет дела до такой мелочи, как я. Если что-то и понадобится от неполноценного найдёныша, достаточно скомандовать подчинённым обозникам, а уж те сами укажут мне, что и как делать. Наше прямое общение – это нарушение неписаных иерархических принципов. Если представитель "Трёх семёрок" снизошёл до такого червя, как я, это значит, что происходит нечто необычное.

Меня самым незначительным изменением порядка вещей убить можно, а уж от всех странностей следует держаться как можно дальше.

Но когда просят такие люди, отказать невозможно.

Кашик на меня даже смотреть не стал. То, что обращается напрямую – это и без того честь немислимая.

Просто указал на реку и брезгливым тоном проговорил:

– Там, на телеге, остался мешок специй. Принеси его.

Да уж, не поручение, а та ещё подстава. И что теперь делать? Заявить, что не желаешь лезть в реку, кишашую кайтами? Или даже сослаться на то, что с моей ничтожной выносливостью и силой мешок унести не получится.

Но всё это Кашик понимает и без слов. Я для него – никто. Никому неинтересный слабак, подобранный на обочине. Здесь некому за меня заступиться, здесь он главный, и он может сделать со мной что угодно. Здесь, на краю Лихолесья, потерять здоровье или жизнь – проще простого. А специи – это ценный груз. И его полагается как-то спасать. Или хотя бы доказать получателям, что сделал ради этого всё возможное.

Так почему бы не попытаться решить вопрос, рискуя самым последним человеком в обозе?

Отказ ни в какой форме не примут. Я или выполню приказ, или погибну в процессе, или со мной сделают что-то нехорошее прямо здесь и сейчас, если что-то не так скажу.

Поэтому я даже не попытался сказать что-то против. В несколько секунд просчитав нехитрые расклады, кивнул:

– Да, господин, я попробую вернуть ваши специи. Для этого мне понадобятся окровавленные тряпки, которыми обрабатывали раны от укусов кайт. Прикажите дать мне несколько,

самых грязных. И ещё мне понадобится побег дикого синельника и нож. Нож я верну перед тем, как пойду за специями.

Вот тут Кашик не сдержался, всё же покосился на меня тяжёлым взглядом. Похоже, моя невозмутимость в сочетании с необычной просьбой сумели его удивить.

Но мне от этого ни холодно, ни жарко. Своё решение он явно не изменит.

Значит, придётся лезть в реку.

В телегах я разбираюсь слабо. Непонятно, что именно случилось с этой. Могу лишь предположить, что она ухитрилась завязнуть там, где другие прошли без остановок. Пешее сопровождение обоза в таких случаях подталкивало повозки сзади, стараясь давить на них вперёд и вверх.

Припадении поддержки сзади не было. Народ отбивался от кайт, и возникший выжимал всё возможное из лошади. А та, с перепугу, могла рвануть с такой дурью, что завязшие оси распрощались с телегой. Тем более, если помчалась не вперёд, к далёкому противоположному берегу, а развернулась назад. Именно на это и похоже, уж очень низко зарылась телега, сильно перекосившись набок. Такое ощущение, что стоит на одной колёсной паре.

Часть поклажи вывалилась в воду, где течение могло далеко унести груз, прежде чем он напитается водой. А если и недалеко, попробуй отыщи его на дне. Но среди того, что осталось, Кашик разглядел то, что бросать никак нельзя.

Жадность не позволяет, да и сам он раб приказа хозяев, требующих любыми способами спасти ценные грузы. Ведь если не доставить в факторию кое-что важное и не самое дорогое, у тамошнего народа может возникнуть соблазн покрыть нехватку более дорогими заменителями. То есть тем, что они там добывают, и что должны сдавать. А это – убытки, которые купцам не нравятся.

Развитие ступеней просветления, атрибутов и навыков – сложный процесс. И для того, чтобы выжимать максимум, аборигенам приходится питаться не как попало, а по системе. Единственный надёжный способ – это принимать особые вещества, получаемые из растений, животных, грибов и некоторых минералов. Всё это добро я называю одним словом – специи. Но у жителей Рока используется множество терминов, они в этой важнейшей области сокращения не приветствуют.

Специй надо много, самых разных. Обоз перевозил десятки их мешков, распределённых по разным повозкам. Самые ценные на телеге Кашика, дешёвка на всех прочих. Но дешевизна – относительная. Копеечных специй не бывает, все они стоят или дорого, или очень дорого, или дорого баснословно.

Меня послали за мешком самых никчемных. Может это особым образом обработанные проросшие семена чешуйчатого целевика. Именно ими успешно занимался Тшими. Только у него получалось выращивать это капризное растение на здешней земле, сохраняя и преумножая его силу. Или пыльца лилового гриба, которую можно собирать в лесах и рощах по относительно безопасному правому берегу Красноводки. Она подороже будет, но великим сокровищем тоже не назовёшь, даже беднякам доступна.

В общем, цена этого невзрачного мешка невелика, но куда больше, чем моя жизнь. Кашик ничуть не огорчится, глядя, как меня рвут на части кайты. То есть, конечно, огорчится, но вовсе не из-за моей гибели. Ему будет жаль, что самый простой способ спасения обозного имущества не сработал.

Мне плевать на его специи, но не плевать на себя. Потому с самого начала повёл себя неспешно. Каждый шаг делал с осторожностью, стараясь не выдать своё продвижение всплеском.

Мать пыталась меня растить, как нормального ребёнка. А это подразумевает систему обучения. На учителей у неё средств не было, потому, в основном, сама этим занималась. Плюс подключала иногда всех, кто могли рассказать что-нибудь полезное. Мне приходилось строить

из себя слабоумного, потому нечасто задавал таким рассказчикам дополнительные вопросы. Но когда услышал историю про нападение кайт на всадника, переправлявшегося через Красноводку, заинтересовался. Провёл аналогию с земными пираньями и начал уточнять. Потом выслушал несколько похожих рассказов от других людей. И понял, что речь идёт о принципиально иных рыбинах. Но чем-то они были схожи со знакомыми мне водными хищницами.

Только скорее не с пираньями, а с акулами.

Кайт привлекает движение и запах. Если не выдать себя ни тем, ни другим, есть шанс, что они меня за метр не почувят. Конечно, это только предположения, но ни один из выслушанных мне рассказов им не противоречил. Наоборот – подтверждали.

Тело у меня худое, но для своих лет рослое. Потому вода здесь, неподалёку от телеги, доставала мне лишь до нижней части груди. Течение успело унести муть, но как я ни пытался вглядываться, ни намёка на присутствие кайт не заметил.

До самых последних шагов.

Уже примеривался к злосчастному мешку, как вдруг метрах в десяти впереди и правее всплеснулась здоровенная тёмная торпеда речной хищницы. Я даже успел разглядеть, что в пасти она сжимает окровавленную грудную клетку, в которой уже не хватало доброй половины рёбер. Где-то там, на дне, продолжается пир над разбросанными останками тех, кому не повезло. Скорее – заканчивается. Мяса на костях почти не осталось, последнее догрызают.

Возничий успел освободить лошадь. Вон, болтаются на течении обрезанные постромки. Думаю – это к худшему, ведь прожорливым рыбам досталось не так много добычи. Как только прикончат остатки, начнут дружно носиться по округе в поисках добавки.

Надо успеть сделать все дела до того, как это случится.

Показалось, или в ноги толкнуло подводной волной от проплывшей рядом твари? Страх – лучший стимулятор воображения. Сейчас мне казалось, что все кайты Красноводки собрались вокруг меня, прочёсывая каждый сантиметр водного пространства.

Хвататься в таких условиях за мешок – опаснейшая затея. Я ведь даже не знаю, что там за специи. Если минеральная пыль из горько-солёных озёр, мне его с места не сдвинуть, а если что-то полегче, могу завалиться с ним на первом же шагу.

Потому попытался отвлечь кайт единственным доступным мне способом. Осторожно вытянул руку и одну за другой отпустил три заскорузлых от крови тряпки. Подхваченные течением, они начали стремительно удаляться, создавая вокруг себя ореолы притягательного запаха. Он очень интересен мельчайшим обитателям Красноводки. Плавающие насекомые и их личинки, мальки различных рыб и даже пресноводные креветки кишат здесь повсюду. Они такое не пропустят, устроят суматоху, которая может издали привлечь серьёзных созданий.

Одна из тряпок скрылась с негромким всплеском, возле второй на миг показалась спина, увенчанная спаренным чёрным плавником. Прекрасно, на такой шум должны пожаловать все кайты, которые крутятся поблизости. Не знаю, сработает моя уловка с побегими синельника или нет. Говорят, эти бестии чувят яд и не трогают самые лакомые приманки. Но чистую кровь на тряпье игнорировать не должны. Пока они поймут, что вкусной еды там нет, мне надо успеть отсюда убраться.

Мешок оказался подъёмным. Даже не мешок – мешочек. В такой и десяток килограмм муки не поместится, а то, что в нём сейчас находилось, по плотности приблизительно ей соответствовало. Но это для обычного человека – мелочь. Со мной всё сложнее. Происходи это до нападения на усадьбу, я бы тут же свалился. Но тело, уже чуть свыкнувшееся с усилившимся амулетом, не подвело. Пусть и с трудом, но я взгромоздил поклажу на плечо. И даже успел развернуться.

А затем окаменел. Потому что волна, толкнувшая тело в этот момент, не показалась. Я даже тень успел увидеть. Меня едва не задела огромная кайта. Возможно – самая здоровенная в Красноводке. Размером с крокодила-людоеда. Она направлялась в сторону всплесков, которые

устраивал её собрат на пути следования брошенных в реку тряпок. Чуть ближе, и врезалась бы в меня своим бугристым носом. Да и сейчас до твари может дойти, что я не похож на корягу или куст водорослей. Вернётся и проверит.

На зуб.

Ниже по течению всплеснулось так, будто там кони резвятся. Скосив взгляд, увидел не слишком большую кайту, вокруг которой крутились плавники ещё нескольких. Их явно заинтересовало игривое поведение собрата.

Да, эта тварь вела себя странно. Держась на поверхности, судорожно изгибалась во все стороны, то и дело шумно ударяя хвостом. На миг успел увидеть в раззявленной пасти тёмные лоскуты, застрявшие среди выстроившихся в два ряда изогнутых зубов. И ярко-жёлтую палочку тоже заметил.

Мой замысел сработал. Не так, как я рассчитывал, но сработал.

Синельник – интересное растение. На правом берегу встречается не везде и редко в больших количествах, на левом – широко распространённый ползучий кустарник. Его свежесрезанные стебли по упругости схожи со сталью. Правда, уже через час-другой теряют это свойство. Детворе, забавляющейся с этим материалом, приходится срезать новые и новые. Я, наблюдая за жизнью аборигенов, не мог этого не заметить.

Стебли были очищены от шкуры, заточены с двух сторон и скручены в тугие рулончики, обёрнутые тряпьем. Я предполагал, что кайты могут проглотить их целиком, а желудочный сок у этих созданий настолько сильнодействующий, что его применяют в некоторых алхимических рецептах, как эффективнейший растворитель. То есть, был шанс, что в утробе твари ткань быстро сдастся, высвободив деревянную пружину. Что-то наподобие проделывали эскимосы при охоте на белых медведей. Только вместо синельника они использовался китовый ус, скрытый в замороженном комке жира. Тот размягчался от тепла в брюхе и "поражающий элемент" распрямлялся, нанося острыми концами фатальные ранения.

Но кайты чуют яд и прочие каверзы. Вот и здесь, наверное, заподозрила какой-то подвох. Однако голод и возбуждение не позволили оставить притягательно пахнущий предмет. Попыталась разжевать тряпку, и это получилось. Стебель высвободился в вертикальном положении, пробив пасть вверху и внизу. Теперь рыбина не могла закрыть рот и к тому же вела себя странно. Двигалась так, будто её частично парализовало. Или сильный шок, или что-то повредило всерьёз.

Судя по тому, как вели себя прочие кайты, они поняли, что тут намечается пирушка для каннибалов. И выстраивались в очередь, собираясь со всей округи. Я рисковал оказаться на пути очередной твари, так что, двигаться не прекращал. Но и не торопился с этим.

Быстрое перемещение – верная смерть.

Вы наносите значительный урон кайте. Кайта мертва. Вы один из виновников её гибели. Ваше деяние признано первой в вашей жизни победой над противником: кайта (частичное участие).

Победа над кайтой.

Получен малый символ ци – 2 штуки

Захвачен знак навыка – "кровавое чутьё"

Первая победа над противником: кайта (частичное участие).

Получен малый символ ци – 2 штуки

Получено малое личное воплощение атрибута – "ловкость"

Надписи догнали меня на полпути к берегу. Даже не пришлось ради их прочтения погружаться в себя. Я уже настолько успел свыкнуться с изменениями, что фиксировал их, не напрягаясь. Не в полной мере, конечно, ну да это сейчас и не требовалось.

Итак, раненую кайту доби́ли агрессивные сородичи. Но ПОРЯДОК решил, что я внёс немалый вклад в убийство, щедро меня за это вознаградив.

Настолько щедро, что теперь надо хорошенечко подумать над дальнейшими действиями. Ситуация из тех, где, возможно, прежних моих знаний недостаточно.

Потому что все мои знания по этому вопросу – теория. А теория, не закреплённая практикой, – неполноценна.

Глава 11

Вода в решетке

Ступени просветления: неизвестно

Атрибуты: нет

Навыки: нет

Состояния: нет

Если попытаться представить, что меня не выкрали из родного мира, ради принесения в жертву, а, допустим, я застрял в навороченной компьютерной игре, можно запросто подобрать аналоги местным реалиям.

Если игра ролевая, классическая, с развитием персонажа, её важнейший показатель – уровень. В Роке ему соответствуют ступени просвещения. Значимые вехи, переход между которыми возможен только после набора определённого количества "ци". С этим, как и со всем прочим, у меня всё плохо. Я как был нулевым, таким и остался. Разве что открылась шкала-кольцо, демонстрирующая, сколько именно ци мне необходимо скопить в себе, чтобы совершить переход (или, как говорят игроки – "апнуться").

Сами по себе ступени ничего не дают. Они не делают аборигенов сильнее, ловчее, выносливее, не усиливают их магические способности. Каждые семь ступеней предоставляется возможность открыть один талант. Как правило, это ценная особенность, но не сказать, что она делает человека на порядок могущественнее. Так что, если не вникать в прочие детали, может показаться, что здешний аналог "уровня" – это всего лишь статусная цифра.

Однако от этой цифры много чего зависит. Так, на каждой ступени имеется лимит на количество связанных с ней атрибутов. Всего их пять базовых разновидностей. Я их называю Выносливость, Сила, Ловкость, Восприятие и Дух. Первые три получаются и развиваются достаточно легко. В большинстве случаев они доступны с рождения. Поэтому такой набор имеется даже у простолюдинов. А вот последними двумя обзавестись куда сложнее. Как правило, их заполучают аристократы и люди к ним приближённые.

Если ты в процессе заполнения ступени не развил заодно и все доступные на ней атрибуты, переиграть это уже не получится. Допустим, ты обычный крестьянский сын, получивший первый уровень просто по факту стандартного рождения, наличию в тебе силы твоих предков и прочих полагающихся почти всем младенцам подарков. У твоих небогатых родителей нет возможности пичкать тебя правильными специями и поднимать одно из важнейших состояний. Потому на этой ступени ты не сможешь развить до упора больше шести атрибутов. Причём, их количество не может совпадать друг с дружкой. Если поднимать всех их, получится, что один будет на тройке, второй на двойке, а третий на единице. Это – самое распространённое распределение. Те, кто на нём сидят, именуются "чистые омеги". Самые неудачливые, которые и столько не набирают – это "низовые омеги", "недо-омеги", "полу-омеги". В общем – отбросы, дно Рока.

Вроде меня.

Обычно крестьяне до трёх развивали Выносливость, до двух Силу, до единички Ловкость. Распределение нормальное, совпадений величин показателей нет, плюс максимально развивалось именно то, что в первую очередь важно для простого труженика. Им ведь пахать от рассвета до заката. Вот так и набиралась шестёрка. Дальше брали новую ступень, где также развивали очередную шестёрку.

И так, развивая ступень за ступенью, поднимались выше и выше. Процесс этот потенциально бесконечен, его останавливает лишь могила. Причём смерть можно оттягивать дольше,

если развиваться гармонично, открывать правильные навыки, не гробить здоровье вредными привычками, вовремя платить целителям за омоложение и, конечно же, не забывать про специи.

Атрибуты – это не только статусные показатели. Они и правда делают тебя сильнее, выносливее и прочее-прочее. Плюс на них завязывается большинство полезных навыков.

Навык – это серьёзно. Например, если тебе удастся заполучить навык "лучник", ты, при соблюдении ряда условий, сможешь превратиться в неплохого стрелка, ни разу при этом не прикоснувшись к луку. Хотя так, конечно, поступать нежелательно, ведь практическое закрепление – это важнейшая часть гармонического развития.

Чтобы открыть навык "лучник", понадобится знак навыка (личный или простой). Его с незначительным шансом можно получить, победив противника с таким навыком (так достаются стартовые знаки). Или удачно вписаться в ситуацию, где тебе полагается вознаграждение, как это случилось со мной, когда помогал раненому. Также есть смысл тренироваться до седьмого пота, пока ПОРЯДОК не сочтёт тебя достойным и предоставит именно то вознаграждение, ради которого ты изматывал себя.

Вот только открыть ты его всё равно не сможешь, если у тебя не припасена единица Ловкости. Такое вот жёсткое требование. И далее, прокачав навык до десяти, остановишься, если твоя ступень просвещения не вторая, а Ловкости не набралось три единицы.

За точность цифр не ручаюсь, но принцип развития именно такой. То есть, можно не посещать университеты и не учиться у мастеров. И тренироваться тоже необязательно. Хотя, конечно же, это не будет лишним. Но всё это уступает главному, – надо развивать свои скрытые параметры.

Тот же Тшими выращивал специи не только потому, что у него руки золотые. Он был достаточно развит и имел набор прокачанных навыков, которые помогали справляться со столь непростой задачей. Растения, с которыми он работал, требовали к себе особого отношения, обеспечить которые может лишь тот, кто соответствует требованиям. Казнив его, моя мать зарезала ту самую золотокладующую курицу. Камай не зря тогда озадачился, ведь заменить такого мастера у нас некем, только у него при столь приличной ступени просвещения имелся требуемый набор атрибутов и прочего.

Создать профи с нуля – тоже вариант. Но на это уйдут годы и годы, потому что развитие навыков – процесс долгий и дорогостоящий.

Итак, вернёмся ко мне. Я своего рода убогая аномалия Рока – подросток тринадцати местных лет, у которого вообще нет ступеней просветления. Не получил первую при рождении, и дальше это не исправилось, несмотря на всяческие старания моей мамы. Сколько ци в меня не вливали – без толку.

Как вода в решето.

После нападения на усадьбу кое-что изменилось. Я получил доступ к своего рода интерфейсу, при помощи которого мог наблюдать за своими внутренними изменениями и частично ими управлять. Например, вижу частично заполненное кольцо, символизирующее процесс прогресса ступени. Если забить его ци полностью, я, наконец, открою то, что другие получают по праву рождения. Для этого ведь много не требуется.

Звучит прекрасно, но на деле всё не так радужно.

Да я, если говорить прямо, пока что ничего радужного в этом не вижу.

Итак, если верить цифрам, которые я сейчас наблюдаю в показателях своей никчемнейшей ступени перерождения, для перехода на следующую мне необходимо набрать восемьсот восемьдесят восемь единиц ци. Смотрится прекрасно, как "блатной" номер на машине, что, скорее всего неспроста, а символизирует нечто для меня непонятное.

Ну да не в этом суть.

Благодаря событиям в усадьбе, моё кольцо частично заполнилось. Когда я первый раз покопался в себе, в нём насчитывалось шестьдесят две единички. То есть, оставалось набрать ещё восемьсот двадцать шесть.

Цифра не безнадёжная, но космическая. Насколько мне известно, при рождении средне-статистический младенец получает порядка первых сотен ци, и этого вполне хватает для получения первой ступени просветления. Дальше некоторым приходится набирать больше, но это происходит за счёт того, что обеспеченные родители не просто воспитанием занимаются, они ещё и развивают вместилища своих детей. Ведь чем больше в тех первородной энергии, тем больше возможностей им доступно.

Экая удача мне свалилась. Прямо с самого старта. Вообще ничего расширять не надо, и без того уже шире некуда.

Но, разумеется, радоваться преждевременно. И дело не в том, что недостающие восемьсот двадцать шесть надо где-то найти, а это непросто.

Дело в том, что сейчас моя нулевая ступень заполнена только на шестьдесят единиц из восемьсот восьмидесяти восьми. А я совершенно точно помню, что при первом изучении новостей их было шестьдесят две.

После того, как спас мешок специй, тоже проверил и насчитал шестьдесят одну. В этом путаницы быть не может.

Как так? Набранное "базовое ци", вроде как, снизить можно, но на это потребуются колоссальные усилия врагов или другие страшные невзгоды. Да и не факт, что номер выгорит.

У меня, конечно, иной случай. Враги здесь ни при чём, мой "нулевой резервуар ци" течёт, как проржавевшее оцинкованное ведро. Если темпы утечки не снизятся, через несколько дней я стану пустым, каким был всегда. И почти не сомневаюсь, что это всё, это конец – это необратимый возврат в исходное состояние. То есть, я стану обычной развалиной, развивать которую не получается. Для поддержания жизни смогу рассчитывать лишь на амулет, который придётся как-то заряжать. Перспективы этого туманны, если не сказать хуже.

Да как только кто-нибудь узнает, что на шее у подобранного беспризорника скрыта столь ценная вещь, я тут же её лишусь. Невидимость предмета вряд ли его спасёт, с этой загвоздкой, скорее всего, справиться несложно.

Итак, задача номер один – не уйти в ноль.

В данный момент у меня за душой двадцать три малых символа ци и четыре средних. Первые дают по единичке, вторые по дюжине. То есть, в сумме я могу заполнить вместилище на семьдесят одну. По моим прикидкам, в сутки теряю шесть-семь, так что, это более чем на неделю отодвинет печальную перспективу обнуления. С учётом текущего уровня, до обнуления остаётся около двадцати дней.

Но что будет дальше? Самостоятельным трудом я сегодня заработал шесть единиц. И, насколько мне известно – это очень серьёзная цифра. Обычному крестьянину и за месяц не всегда столько получить удаётся. Если рассматривать случившееся, как редкую удачу, больше мне такое свершение не повторить. И это значит, что в перспективе, весьма недалёкой, обнуление неизбежно.

Что ещё можно сделать? Попытка активировать знак "начинающий целитель" провалилась. Число навыков, открытых на ступени, должно соответствовать числу атрибутов, полученных на ней же. Атрибутов у меня ноль. Открыть я могу лишь один – Ловкость. Повезло с кайтами, получил личное воплощение этого атрибута. Но ведь открыть его – полдела. Дальше его придётся развить до упора, ситуация похожа с вместилищем ци. От матери мне досталась одна малая суть ловкости, она прибавит в прогресс атрибута единичку, а всего их, скорее всего, потребуется несколько десятков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.